

Черный клан

Автор:

[Алекс Градов](#)

Черный клан

Алекс Градов

Черный клан #1

Эта история началась с девушки. С очень необычной девушки, которую Алекс увидел в трамвае. Неудивительно, что он захотел с ней познакомиться. Удивительное началось потом. Лишь один опрометчивый шаг – и Алексу открылась другая реальность. Да, мир устроен совсем не так, как полагают те, кто привык не замечать странности и, увидев необъяснимое, говорить: померещилось. Это их выбор. Выбор большинства. Но Алекс уже пересек грань. Он не знал, что сделал выбор. Он не знал, что Превращение уже началось. Теперь у него только два пути: довести дело до конца или – погибнуть. И он еще не знает, какую жуткую цену придется заплатить Черному клану за Превращение.

Алекс Градов

Черный клан

Человек: Почему ты все время смотришь на дверь?

Ланцелот: Я жду, когда появится дракон.

Человек: Ха-ха! Я – дракон.

Е. Шварц. Дракон

Глава 1

Третий вариант

В одном из северных районов Петербурга, на набережной Невы, за чугунной оградой высотой в два человеческих роста, стоит величественное здание суперсекретного оборонного НИИ. Оно отделано розовым мрамором, пестрой яшмой и полированным черным гранитом, украшено помпезными портиками и циклопическими колоннами и в целом похоже на храм какого-то древнего и опасного божества. Окна, в которые мог бы влететь вертолет, закрыты решетками и наглухо зашторены, чтобы никакие натовские шпионы не смогли бы подглядеть, что мы там делаем. Вообще-то мы и сами не должны этого знать. Двадцать лет назад, рассказывала матушка, один отдел не знал, что проектирует другой, а конечная цель работы была ведома только Минатому.

Но сейчас все изменилось. Древнее божество давно мертво, наши оборонные секреты и даром никому не нужны. Финансируется институт ровно настолько, чтобы немногочисленные сотрудники не померли с голоду (а то было бы совсем неприлично). Если подойти к НИИ поближе, то видно, как осыпалась мраморная облицовка стен, а яшмовые капители словно кто-то погрыз, и стало окончательно ясно, что они из покрашенного под яшму кирпича. На стоянке одиноко чахнут «Жигули» престарелого главного инженера. Зато по соседству процветает новехонькая церковь, куда после работы бегают наши сотрудники – тетушки предпенсионного возраста, которые сидят в НИИ, потому что больше их никуда не берут. В общем, вы поняли, почему наш некогда могучий секретный институт на районе пренебрежительно называют «богадельней».

Иногда я представляю себя захудалым бароном, который благородно нищенствует в огромном, обветшалом замке, вместо того чтобы взять и заняться разведением племенных овец, грабежом на большой дороге или каким-нибудь еще средневековым бизнесом.

Особенно в такие моменты, как сейчас.

– Значит, комп просто взял и на ровном месте завис? – с сомнением спросила Ленка.

– Не просто, – сказал я. – И не завис, а выдал что-то странное. Как будто скринсейвер – по экрану все время ползет сверху вниз такое... как иероглифы... Во, очень похоже!

Я ткнул пальцем в темное окно, исчерченное извилистыми следами дождевых капель. Несколько человек в очереди на раздачу одновременно оглянулись посмотреть, куда я показываю. Не увидев в окне ничего интересного, разочарованно отвернулись к своим салатикам и компотам. В институтской столовке, несмотря на рабочее время, толкался народ. Впрочем, как всегда.

Ленка пожала плечами.

– Ничего странного не вижу. Скринсейвер и есть.

– Скринсейвер компьютер не подвешивает. Там, между прочим, ребята из техподдержки уже второй час сидят, матюгаются – ничего понять не могут. И вся работа за полдня псу под хвост, – уныло заключил я. – Проклятая рухлядь!

– Ну а что это тогда? – не без ехидства осведомилась Ленка. – Послание из параллельных миров?

– Уж скорее вирус словил...

– Вам разве Интернет еще не прикрыли? Нам уже отключили, а то все только и делают, что в социальных сетях сидят.

– Нам по работе надо.

– Знаю я вашу работу, – захихикала Ленка. – Захожу как-то в отдел – тетki чай пьют, болтают, красятся, один Леша сидит красный, сосредоточенный и дубасит по клавишам. Думаю – вот впихивает! Аж пар из ушей идет! Подхожу и вижу...

– Ну да, – пожал я плечами. – Играл с ребятами в «Квейк» по локалке. А что, кто-то против?

Ленка прищурилась и отпила глоток компота из могучего столовского граненого стакана.

- Вот не пойму я, что ты вообще тут делаешь второй год? Что ты, молодой, здоровый парень, забыл в этом доме престарелых инженеров?

Я задумчиво покосился на Ленкин стакан. Компот был казенный, водянистый, с вываренным склизким яблоком на дне. Точно таким же меня когда-то насильно поили в детском саду. И я пил – а куда было деваться?

- Ну... Допустим, мне нравится моя работа.

Прозвучало как-то неубедительно.

Ленка манерно приподняла бровь.

- Не понимаю. Как может нравиться работа, которая никому не нужна?

- Ну почему же никому. Натовцам нужна, – сказал я не очень уверенно. – Враг, типа, не дремлет, все такое.

- Глупости, – фыркнула Ленка. – На худой конец, если твоя «работа» и в самом деле нужна натовцам, так и поехал бы к ним. Получил бы грант...

- Нет уж, – сказал я гордо. – Так низко я еще не пал. Я патриот!

- Патриот, ой, не могу! Да ты просто лузер.

«Умолкни, женщина! – высокомерно сказал я (мысленно) и махнул рукой воображаемым слугам: – Как сюда пролезла эта холопка? Выкиньте ее за ворота!»

Конечно, я мог бы возразить ей: а сама-то? Что ты здесь сидишь? Почему не найдешь что-нибудь получше? Но я уже знал, что она мне ответит. «А кому я еще нужна с ребенком? С твоим, между прочим!»

Ленка работает в соседнем отделе, вместе с моей матушкой. Когда я был маленьким, в этом НИИ работали родители половины моих одноклассников. Но с Ленкой я тогда еще не познакомился. Это знаменательное событие произошло в позапрошлом году. Мы встречались с ней ровно полгода, после чего расстались. Точнее, она меня бросила, заявив, что наши жизненные ценности не совпадают. Подозреваю, на самом деле она решила, что я для нее недостаточно крут. Проблема была в том, что, избавившись от меня, Ленка вскоре обнаружила, что беременна. И теперь у нас с ней есть общая дочь двух лет от роду. Ленка считает, что этот факт дает ей полное право терроризировать меня, сколько ей вздумается. Друзья подкалывают меня, что я, не будучи ни разу женатым, огреб все минусы семейной жизни, как моральные, так и финансовые.

Я отвернулся и уставился в окно. За стеклом не было ничего, кроме моего отражения. На улице уже стемнело. Не зимняя кромешная тьма, а сумерки ранней весны – сыро, мрачно, беспокойно. Словно назревал какой-то природный катаклизм, то ли ливень, то ли снегопад, а скорее всего и то и другое одновременно.

Вот, опять снаружи темнота. Не потому, что рабочий день был таким длинным, а потому, что световой – коротким. Едва рассвело – уже стемнело.

Так и живу в вечном мраке. Ранние октябрьские сумерки в шорохе листопада... Ноябрьский бурый, бесснежный мрак, когда кажется, будто за окном – Нижний мир, в котором ни света, ни солнца, а только вечная тьма, а ты сам не заметил, как провалился в тартарары вместе с городом... Январское мелькание снежинок, когда по заиндевевшему стеклу пробегает дрожь, и снаружи доносится далекий, мертвенный вой ветра... И я ежусь, представляя, как после работы пойду через черные пустые дворы, а этот ветер, словно ниндзя, со свистом будет швырять мне в лицо колючие звездочки... Февральские оттепели, когда в окно свирепо лупит снежно-дождевая каша...

Там, за окном, все время что-то менялось и происходило. А я все сидел на одном месте и чего-то ждал.

– А вот и не лузер, – внезапно решив блеснуть эрудицией, заявил я. – Я дауншифтер.

– Это еще кто? – спросила Ленка с подозрением.

– Лузер – это тот, кто пытался взобраться наверх и не смог, – объяснил я. – А дауншифтер – он... он даже и не пытался. Тот, кто просто живет, как считает нужным, в свое удовольствие.

– Лузер и лентяй вдобавок, – сделала вывод Ленка. – Нашел чем хвастаться.

Я тяжело вздохнул. Честно говоря, этот разговор повторялся так часто, что одни и те же реплики ходили по кругу. Толкотня воды в ступе. Какое ей дело, как и зачем я живу? Муж я ей, что ли? Так она же вроде нашла себе зимой какого-то хмыря, о котором мне известно только то, что он иногда забирает ее с работы на «крайслере». Вот его пусть и пилит!

А вот интересно, если я – барон, то Ленка кто? Баронесса? Да какая из нее баронесса?! Так, сварливая ключница.

И я со вздохом сказал то же, что обычно говорил:

– Просто я не желаю участвовать в этих крысиных бегах, понимаешь? У меня другие цели в жизни!

– Ах ты не желаешь? Ах у него цели в жизни! – привычно начала заводиться Ленка. – А дочку кто кормить будет?

Тут мне невыносимо захотелось взять свой верный двуручный меч, надвинуть забрало поглубже и выйти на большую дорогу. Или уплыть в крестовый поход. Главное, подальше от Ленки. Начиналась самая противная часть разговора – о деньгах.

Вообще-то я честно предлагал отдавать ей четверть зарплаты, как положено, но зарплата у нас в НИИ такая, что Ленка заявила, что я над ней издеваюсь, и вообще отказалась от «подачки». И теперь колола мне этим глаза.

– Как тебе вообще не стыдно жить на свете, зная, что твоего ребенка содержит другой мужчина!

– Так ты же не берешь от меня денег!

– Потому что это не деньги, а кукушкины слезки!

– А почему я должен давать тебе больше, если ты Ваську даже по воскресеньям ко мне не хочешь отпускать?! – рявкнул я, потеряв терпение.

– Да потому что не хочу, чтобы она стала на тебя похожа! И хватит называть ее Васькой!!

Дочку вообще-то звали Василиса. Ленка назвала ее этим наимоднейшим в позапрошлом сезоне именем – разумеется, не посоветовавшись со мной. Заметьте, я промолчал. Только и рассказал ей анекдот: «Вышла Василиса Премудрая за Ивана-Дурака, и стала она Василиса Дурак». Ленка юмор не заценила. А я все равно звал малявку Васькой, и, между прочим, она откликалась.

Моя внебрачная баронская дочь. Наследная принцесса захудалого королевства...

– И все ты врешь, и нет у тебя никаких «других целей», – не унималась Ленка. – И вообще целей нет. Пока все люди зарабатывают деньги, стремятся добиться успеха, ты плывешь по течению как... как бревно!

«Спокойно, – приказал я себе. – Сократ своей жене деньги платил, чтобы она его оскорбляла, и тем самым тренировал дух... Или не жене? А, неважно».

Если бы Ленка на секунду замолчала, стали бы слышны питерские весенние звуки: шум, шелест, шипение, плеск воды, звонкие редкие удары капель по жестяному подоконнику. Капли бежали по стеклу, как строчки японской скорописи или загадочные символы на экранах компьютеров Сиона в «Матрице». Казалось, они несли послание, которое я пока не могу прочитать. Даже если оно адресовано лично мне. Потому-то я и жду. Но чего?

– Допустим, я плыву по течению, – терпеливо согласился я. – Но не как бревно. Я присматриваюсь. Объясни, почему я должен прилагать усилия, чтобы плыть туда, куда мне не хочется, да еще наперегонки со всякими придурками?

– А что тебе хочется? Ты сам-то знаешь?

– Ты опять права, – сказал я кротно. – Да, я не знаю, куда плыть и зачем. Да, я вообще не знаю, зачем живу.

Сказал, чтобы подразнить ее, – и вдруг понял, что так оно и есть.

И вокруг сразу все словно осветилось холодным, безжалостным светом. Так всегда бывает, когда случайно признаешься себе в чем-то неприятном, что от себя долго скрываешь.

– А пора бы уже узнать!

Тут Ленка принялась меня поучать и понесла такие банальности, от которых меня просто затошнило.

– Жизнь – жестокая штука, Леша. Все мы в ней – хищники или жертвы. Или ты – или тебя. Другого выбора нет. Ты не будешь прятаться от нее всю жизнь за родительской спиной. Пора уже повзрослеть, стать мужчиной... Хотя нет, тебе это не грозит. Настоящий мужчина – это хищник, он зубами вырывает из жизни все, что хочет. Это то, на что ты не способен...

«Побить ее, что ли? – лениво подумал я. – Возжами!»

Шум ливня снаружи усиливался. Ленке приходилось повышать голос, чтобы перекрыть дробный грохот воды, падающей с крыши на подоконники. Окно словно заливалось слезами. На его нижнем крае налипло сантиметров пятнадцать талого снега. Первый весенне – зимний ливень весело выбивал азбукой Морзе таинственное послание, которое я не могу прочитать. Потому что не знаю кода. Нужен код. Но как его отыскать, когда тут из тебя насильно пытаются сделать хищника?!

«Хищник, настоящий мужчина! – обозлился я вдруг. – Господи, какие пошлости! И где она их понабралась? Наверно, от этого своего хмыря на „крайслере!“»

– А ты кто, Ленка? – спросил я. – Хищник или жертва?

– Я?

Ленка растерялась. Похоже, сама себе она этот вопрос никогда не задавала.

– Хочешь, я тебе скажу? – предложил я.

Холодная ясность сознания, сошедшая, когда я сам себе в глаза сказал горькую правду, еще не покинула меня, и я отстраненно взглянул на Ленку.

И тут как будто лопнула последняя связывавшая нас нитка, и я увидел Ленку со стороны, как чужого человека. Даже не как человека – а как чуждое существо другого вида. Не моего – уж точно.

– Ты – хищница, – сказал я, точно зная, что угадал. – Мелкая такая, вертлявая, с маленькими, но острыми зубками. Типа хорька или куницы. Большим, настоящим хищникам ты, конечно, на один перекус, но какого-нибудь беззащитного птенчика вполне сможешь загрызть... Довольна?

Ленка испуганно смотрела на меня, почему-то не пытаюсь в своем духе перебить на полуслове. Я вдруг почувствовал, что больше совсем не жалею, что мы расстались. Даже из гордости.

А потом тем же просветленным, холодно-отстраненным взглядом я посмотрел на себя самого и понял последнее, самое важное.

– А вот я – не хищник. И знаешь, я этому рад!

Что-то звякнуло прямо над головой. Вокруг резко стемнело. На стол с нежным звоном посыпались осколки стекла. Ленка, взвизгнув, вскочила на ноги. В нашу сторону снова с любопытством обернулась вся очередь у раздачи.

– И чего орать? – спокойно спросил я. – Ну, лампочка лопнула.

– Хорошо хоть не потолок рухнул! Скоро наша шарашка вообще вся развалится, – с отвращением сказала Ленка. – Блин, прямо в стакан стекло попало, пропал компот... Я пошла отсюда!

– Покедова, – я небрежно помахал ей рукой.

Ленка ушла, цокая каблучками по облезлому паркету. Сразу стало так тихо, будто институт вымер. Где-то гудели галогенные лампы, кто-то звякал посудой в пищеблоке. Из плачущего окна на меня глядело мое отражение. Прямые русые волосы – светящимся ореолом вокруг лица. Я вздрогнул – на миг показалось, что лицо чужое. Или что-то в нем не так. Встал и, хрустя подошвами по битому стеклу, пошел в свой отдел.

На рабочем месте все было по-прежнему. Никаких перемен к лучшему. Комп висел. Техники ушли – видимо, за подмогой. По экрану текла все та же зараза.

Я сел за стол и мрачно уставился на ползущие капли таинственных знаков, пытаюсь постичь «послание из иных миров» с помощью интуиции, если уж логика не помогла.

В голове вертелся разговор с Ленкой. Кажется, было сказано что-то важное. Но что? Теперь, вспоминая все сказанное, я не мог понять, что именно так меня зацепило.

Ну да, я не хищник. Я не злой, не агрессивный. За себя постоять могу, но бить людей по лицу мне неприятно.

Но кто я?

Получается, если я не хищник – значит, я жертва? Иногда я себя ощущал жертвой, когда какие-нибудь престарелые акулы из бухгалтерии запускали в меня свои пожелтевшие клыки.

Говорят, есть особое самосознание жертвы. Некая аура страха, по которой ее безошибочно вычисляют хищники. Маньяки, насильники и прочие уроды, для которых поглумиться над слабым – наслаждение. Но не просто над слабым – а над тем, кто покорно принимает свою роль. И отдает право тем самым хищникам делать с собой все что им угодно. Отношения хищника и жертвы – это симбиоз, если хотите.

Я фыркнул. Нет, это не про меня. Иначе бы мы с Ленкой спелись. Она меня выбрала не потому, что искала себе мальчика для битья. Она ошибочно

принимала меня за хищника, тьфу на него...

Хм... Может, я все-таки хищник, только ленивый и без целей в жизни?

И снова я ни то ни се. «Не от мира сего», – как выражается матушка. Жертвой я себя не воспринимаю, а хищником не хочу быть абсолютно. Хищник... Есть в этом какая-то ограниченность. Шаг вниз. Когда некто считает себя вершиной эволюции только потому, что может убить и съесть любого конкурента, – это не тот идеал, к которому хочется стремиться. Вершина пищевой цепочки – пожалуй.

Неужели все социальные отношения можно свести к этой убогой модели «хищник – жертва»?

Я почувствовал, что окончательно запутался с самоидентификацией. Неужели нет третьего варианта?

Взглянув на часы, я вздрогнул. Половина шестого. То-то вокруг так тихо. Народ потихоньку разбрехался уже часов с пяти, а к семи оставались только те, кто хотел бесплатно посидеть в Сети. Так тут все жили: приходили в институт часам к десяти, пили чай, трепались, ходили «в гости» из отдела в отдел, потом долго обедали, потом снова пили чай, а там и домой пора. Вначале, когда я только сюда устроился, меня это возмущало, потом стало безразлично, а теперь я и сам поступал так же.

– Леша, ты еще долго? – спросила, пробегая мимо, самая ответственная из наших теток. – Я ключи на стол кладу, потом занесешь их на вахту, ладно?

Я молча кивнул, продолжая упрямо таращиться в экран монитора. Сердце вдруг пропустило удар. Я готов был поклясться – бессмысленные ряды значков на миг сложились в нечто осмысленное... И тут же снова распались на хаотические потеки.

– Стой! – воскликнул я. – Стой, сволочь!

Тут внутри экрана что-то ярко вспыхнуло, хлопнуло, и он погас. Навсегда.

Запахло горелой пластмассой.

Дверь, которая только-только закрылась за уходящей коллегой, снова приоткрылась.

– Леша, это вы мне? – раздался дрожащий от незаслуженной обиды голос.

– Ну е-мое! – рявкнул я, стукнув по столу кулаком.

Дверь быстро закрылась. В коридоре что-то затрещало. Раздался испуганный вскрик и торопливые удаляющиеся шаги.

«Надо во всем видеть позитив, – наставительно сказал я себе, вставая из-за стола. – Зато теперь, наверно, новый монитор поставят. Жидкокристаллический. И буду как белый человек!»

Из коридора теперь доносились громкие голоса и ругань. Я с любопытством приоткрыл дверь, и все стало понятно: свет вырубился и там. Народ, кто хихикая, кто возмущаясь, на ощупь пробирался к лестницам. Высказывались различные догадки, порицалась жадность начальства, пятнадцатый год не чинившего проводку, предсказывался скорый пожар, в котором мы все и сгорим к чертям вместе с институтом. Общее мнение было таково: почему бы этому свету не отрубиться часика на два-три пораньше?

Я просочился сквозь толпу в гардероб, с трудом нашел в потемках свою куртку и отправился на проходную.

Но все равно – не оставляло ощущение, что я упустил что-то важное. Подошел к границе чего-то, но не увидел... и теперь слепо топчусь рядом, а потом начну удаляться, так и не поняв, что прошло мимо меня.

Глава 2

Знакомства на большой дороге

Когда я вышел из НИИ на улицу, снег с дождем уже прекратились. Тяжелые низкие тучи, подсвеченные с изнанки красноватым отражением городских огней, быстро неслись в небе. Внизу ветра почти не ощущалось. Зато все блестело от воды, как лакированное. Решетки, фонарные столбы, скамейки, асфальт, зонты и куртки прохожих... В мире не осталось вообще ничего сухого.

«Март – с водою», – вспомнил я приметку, еще из школьного учебника по литературе. Да уж, воды тут хватало во всех видах. Сырой ветер пах бензином. В воздухе висела водяная пыль, с неба моросило.

Яркие огни, дрожащие расплывчатые контуры, сочная чернота. Нереальный мир.

Что же все-таки промелькнуло там, на экране?

Показалось? А если нет?

Главное, оно там мелькнуло буквально на долю секунды. Я все равно не успел бы прочитать...

Вот бы отмотать память назад, как видео, и нажать на паузу!

Я остановился перед пешеходным переходом, дожидаясь зеленого сигнала светофора. На тротуаре коварно поблескивали тающие наледи. Машины, проезжая, поднимали за собой метровый шлейф грязной соляной каши.

Я чуть попятился, прикрыл глаза и начал вспоминать.

Итак, я сидел за столом, тупо глядя в монитор, и размышлял о природе хищников...

Неторопливо шелкали часы на стенке...

За спиной кто-то быстро прошел. Звякнули ключи о стол...

«Леша, ты еще долго?»

В системном блоке под столом загудел кулер...

«...занесешь ключи на вахту?»

Стоп!

Чуть раньше, чем отреагировало тело, мозг уже зафиксировал что-то осмысленное. Нечто, несущее информацию...

Вот оно. Не фраза. Образ!

Я замер на месте, закрыл глаза и даже задержал дыхание, боясь вспугнуть воспоминание.

Перед глазами дрожала выхваченная из мутного потока бесчисленных одинаковых мгновений зеленоватая картинка. Та, в которую на миг сложились бессмысленные знаки.

Цветок. Во всяком случае – растение. Оно напоминало ряску. А еще точнее – листик клевера. Счастливый четырехлистник – трифолиум. Но с восемью лепестками. А точнее – с четырьмя сдвоенными лепестками на каждой стороне.

Гм... и что это означает?

Я нахмурился. Нутром чувствовал – что-то все равно упускаю. Нечто осталось незамеченным – точнее, замеченным, но не осозанным. Возможно, самое главное...

Глубоко вздохнув, я остановил дыхание и начал вспоминать еще раз, сначала.

Кажется, даже сердце стало биться медленнее, чтобы не мешать концентрации.

...размеренное шелканье секундной стрелки...

...тихое гудение кулеров в соседних компьютерах...

...прерывистый стук капель по оконному стеклу...

...неровное мерцание монитора... (Напряжение скачет? Почему?)

«...занесешь ключи на вахту?»

...движение тени на мониторе... (Что такое? Откуда?)

Ах, да. Это же мое отражение в стекле. Мониторы у нас устаревшие. Сколько раз просили поменять – хоть бы хны. Итак, вот ползет загадочный скринсейвер, и сквозь него просвечивает овал лица...

Не было никакого послания от инопланетян.

Восьмилистник светился вовсе не на экране, а у меня на лбу!

Откуда-то издали доносились возмущенные возгласы и гудки машин. Я – медленно-медленно – моргнул, возвращаясь в реальный мир.

И обнаружил, что стою на «зебре» посреди проезжей части. Поток автомобилей тоже стоял – видимо, ожидая, когда я наконец соизволю убраться с дороги. Что интересно, ближайšie машины не сигналили. Я отчетливо видел лица водителей – какие-то растерянные, а точнее, обалдевшие. Разъяренное бибиканье доносилось из дальних рядов, где меня не видели и не понимали, в чем проблема. А пробка-то скопилась изрядная. Сколько ж я тут простоял? И как я тут оказался?

– Блин, – пробормотал я, обращаясь к водителям. – Как неловко получилось-то. Ну извините, ребята! Спасибо, что не стали давить!

Никто меня не только не обматерил, но даже не шевельнулся. Водители дружно тарацились в мою сторону, как загипнотизированные. На миг показалось, что они вообще меня не видят. Точнее, что-то видят, но не меня.

Стало тревожно. Может, у меня за спиной что-то стряслось? Я быстро обернулся и увидел кучку пешеходов, застывших на краю тротуара. Выражение лица у всех

без исключения было абсолютно одинаковое. Такое же, как у водителей.

Ощущение абсурда нарастало.

Что это они все тут стоят с такими лицами? Что за наваждение? Почему никто не уезжает?

«Надо немедленно сваливать отсюда, – шевельнулась мысль. – Иначе случится что-то нехорошее».

Непонятно только – со мной, с толпой или с окружающим миром.

Позади меня раздался резкий звонок – так близко и так громко, что я аж подпрыгнул. Обернувшись, я увидел за спиной трамвай. Непонятно, как я не заметил его раньше, но оказался он тут как нельзя более кстати. Трамвай как раз отъезжал с остановки. Передняя дверь была приоткрыта и подвязана изолированным кабелем – судя по всему, просто чтоб не отвалилась на ходу. Не раздумывая ни секунды, я вскочил на подножку.

Внутри я пробираться не стал, оставшись на ступеньке. Трамвай с бряканьем и лязгом набирал скорость. Заколдованная толпа осталась позади. Я перевел дыхание и быстро взглянул на свое отражение в ближайшем стекле. Никакого восьмилестника у меня на лбу, естественно, не было. Почему-то я совсем этому не удивился.

Обычно я ходил домой пешком через дворы, но иногда, в плохую погоду, подъезжал остановку. Трамвай шел от метро в спальный район и был полон народу – не то чтобы битком, но контролеру из конца в конец протиснуться нелегко. Бабища в оранжевой жилетке как раз ломилась из дальнего конца вагона с криками «предъявляем-оплачиваем!», но я прикинул, что до меня она добраться не успеет. Тогда я утратил к ней интерес и вернулся к прежним размышлениям. Так, о чем я думал? О восьмилестнике? Нет, раньше... Точно, хищники и жертвы.

Я поднял голову и принялся мысленно перебирать пассажиров, деля их на хищников и жертв. Вокруг тряслись сплошь жертвы – с серыми, утомленными,

беспомощными лицами, с характерными потухшими глазами. Прямо овчарня на колесах какая-то.

Взгляд зацепился за девушку, стоящую в паре метров от меня, на ступеньке у средней двери. Она сбила меня с толку – я понял, что не могу ее отнести ни к первым, ни ко вторым. Да – определенно не к жертвам и никак не к хищникам...

«Вот же он, передо мной – третий вариант!» – с воодушевлением подумал я и уставился на нее во все глаза, пытаюсь понять, что в ней особенное.

Лет ей было около восемнадцати или даже поменьше. Судя по одежде, девушка была готкой. Или из этих – как их – эмо? Я не особо разбирался в этих субкультурах. Нет – самая натуральная готка. Никаких там розовых мишек на сумке и прочих финтифлюшек, вся в строгом черном. Не в траурном, а с оттенком сумрачной роскоши. Черная с серебром кожаная одежда, черные волосы. Глаза тоже черные, большие, мрачные-мрачные. Стоит, слушает плеер и о чем-то думает.

Выглядела она очень даже прилично для готки. Не толстуха в прыщах, как половина из них, и не заморенная доходяга-наркоманка – как другая половина. Стройная, спортивная, фигурка отличная, только рост подкачал. Лицо гордое, уверенное, и при этом – никакой агрессии. Заметив, что я на нее смотрю, бросила на меня несколько экстраординарно мрачных готических взглядов. Глаза у нее, кстати, были роскошные. Я поймал себя на том, что каждый раз невольно расправляю плечи и втягиваю живот.

«Познакомиться, что ли?» – подумал я. Впрочем, без особого энтузиазма. Знакомиться в трамвае, да еще и с готкой...

Уже проверено – ничего хорошего из уличных знакомств не выходит. К примеру, с Ленкой-то я познакомился как раз на улице. Точнее, в открытом пивном баре в ЦПКиО. Что-то праздновал с бывшими однокурсниками, а она с подружками за соседним столиком сидела. Я был в стельку пьян и вел себя как поручик Ржевский: «Ты!.. Ик!.. Пойдешь со мной в кусты...» Потом месяц было стыдно вспоминать. Но Ленке я, наоборот, этим и понравился. «Ты был такой напористый, такой решительный! – хихикая, говорила она. – Прямо настоящий мачо!» Потом-то она, конечно, прозрела и постепенно увидела мою истинную сущность, но было поздно...

Задумавшись, я едва не пропустил остановку. Соскочил с подножки уже на ходу и долго стоял, провожая взглядом трамвай, увозящий «третий вариант». Потом повернулся и пошел по Липовой аллее, собираясь свернуть во дворы.

В этих дворах прошли мои детские годы. Каждая колдобина, каждый куст были мне тут знакомы. Эти деревья росли вместе со мной, те дома на моих глазах ветшали. Про каждый магазин я мог сказать, что было в его помещении пять, десять и двадцать лет назад... Постаравшись, я мог бы вспомнить, как взбираться на крышу того или иного гаража или как расположены ветки на каждом подходящем для лазания дереве. Что-то в этом странное есть – всю жизнь прожить в одном месте. Я с ним слишком сроднился. Родители, и те переехали в другой район, а я снял квартиру здесь – словно пытался задержать детство...

«Неужели я настолько боюсь перемен?» – впервые подумал я.

Во дворах фонари горели тускло, мигая, только желтые окна сияли, как любопытные глаза. В темноте я скоро промочил ноги, но не обратил на это внимания. Все думал о той девушке, и в душе нарастало недовольство собой. Может, зря я с ней не заговорил? Второго шанса-то не будет. И ощущение, которое весь вечер не оставляло меня в НИИ, – что приближается нечто важное... А вдруг этим «важным» она и была?

«Ну а сейчас-то что? – с укором сказал я себе. – Какой смысл раскаиваться в несделанном? Все, проехали!»

Я вздохнул и поплелся дальше, стараясь думать о простом и позитивном – например об ужине. Получалось плохо.

Занятый этой внутренней борьбой, я и сам не заметил, как в поток мыслей, плеск капель и монотонный шум машин вплелся чей-то голос.

Кто-то поблизости – кажется, за моей спиной – бубнил и бубнил противным дребезжащим фальцетом. Бывает обычный надтреснутый старушечий голос. А бывает такой, как этот – когда сразу ясно, что бабка еще та старая крыса. Я хотел ускорить шаги и оторваться, но тут к бабкиному голосу добавился женский. Точнее – девчоночий.

- Ты куда это намылилась, коза?

- Тебя не спросила!

- Ну-ка, дорогуша, повернулась и пошла домой!

- Ой, бабушка, ну до чего ж ты надоела со своими поучениями. Сколько раз просила - не лезь в мои дела! Мне уже восемнадцать, куда хочу - туда и иду!

Я пошел медленнее, прислушиваясь и посмеиваясь про себя. Бабушка с непокорной внучкой плелись за мной шагах в десяти, вполголоса переругиваясь.

- Да за что же мне такое наказание?! Опять от папаши твоего претензии выслушивать? Дескать, я за тобой не слежу, совсем тебя распустила? А я-то ночей не сплю, глаз не свожу... А ты при виде первого попавшегося змееныша... Ну зачем он тебе, скажи на милость?!

- А он мне понравился.

В голосе девчонки зазвучал восторг.

- Ты посмотри, как он светится!

«Чего?» - подумал я, невольно озираясь в поисках чего-нибудь светящегося.

- То-то и оно, - мрачно отозвалась бабушка. - Нехорошо он светится. Плохой свет.

- Темный? - иронически спросила девчонка.

- Нет. Холодный.

- А ты бы потеплее хотела, да? Как от живого огня? А лучше - от пожара?

- Да уж лучше от пожара - у него хоть погреться можно...

Я уже совсем ничего не понимал, но слушал во все уши.

- Для вас, нижних, любой свет нехорош, - безразлично сказала девчонка.

- Не болтай чего не знаешь, бестолочь.

- А ты не обзывайся, не то папе расскажу.

- А что мне твой папа? Он меня для того к тебе и приставил, чтобы я тебя сторожила...

Голоса отдалились и слились в одно невнятное бубубу.

- ...и вообще, иди отсюда, - долетел повелительный возглас. - И не возвращайся, пока не позову!

- Когда нужно, поганка, тогда и приду! Ох, ну и молодежь пошла... Ни стыда ни совести...

Бормотание затихло. Настала мертвая тишина, не нарушаемая ни голосами, ни звуком шагов. Я не выдержал, остановился и обернулся.

Мокрый асфальт блестел под ногами как обсидиан. В лицо мне ударил упругий сырой ветер, пропитанный резким и свежим, совершенно неестественным для этого времени года запахом озона и молодой травы. На миг я запутался, март сейчас или май...

А потом меня охватило веселье. Так и думал!

Девушка-готка стояла шагах в пяти от меня, изящная и блестящая, как статуэтка.

- Ну че, - услышал я приятный, чуть хриловатый голосок. - Знакомиться будем?

Глава 3

Эмо-герл

Девушку звали Вероника.

Или Ники – как она сама представилась.

– Везет мне на Лех, – заявила она, услышав мое имя. – Был у меня один знакомый, хе-хе-хе...

К чему относилось ее хихиканье, я не понял, а она объяснять не стала.

– Можешь звать меня Алекс, – предложил я.

Так меня звали друзья. Было у меня и еще одно имя, но об этом позднее.

– С кем это ты разговаривала? – спросил я, оглядываясь.

– С бабкой, – скривилась Ники. – Еле отделалась от старой жабы.

Во дворе и прилегающих закоулках не было видно ни души.

– Ушла, – Ники заметила мой взгляд. – Она только выглядит так, словно сейчас развалится, а исчезает как привидение. А уж как подкрадывается... Да ну ее! Следит за мной, словно мне пять лет. Туда не ходи, с тем не знакомься. А я, между прочим, совершеннолетняя и сама могу о себе позаботиться!

Нет, в самом деле, бабка просто испарилась. Это было даже немного странно. Но в этот вечер случилось уже столько странностей, что на такую мелочь можно было вообще не обращать внимания.

– Какие у нас планы? – спросил я.

– Да никаких особо, – пожала она плечами.

Я задумался. Погода не располагала к прогулкам. Вот-вот мог снова начаться дождь, да и по лужам шлепать не хотелось. Я предложил было пойти в кафе. Но потом вспомнил, что денег осталось кот наплакал – аккуратно на еду до полочки.

– А пошли треснем по пиву! – Я решил, что готка от такого предложения не откажется.

– Ну пошли, – охотно согласилась девчонка.

Я похвалил себя за знание женской психологии вообще и психологии готок в частности.

Мы пошли в сторону ближайшего метро, попутно высматривая круглосуточный продуктовый ларек и болтая о том о сем, словно старые знакомые. С Ники оказалось очень легко общаться. Вскоре я уже чего только о ней не узнал! Она родилась в Питере, но последние несколько лет провела в Москве. Там же закончила школу.

– А сейчас где учишься?

– Да так, – она пожала плечами. – Готовлюсь поступать... куда-нибудь. На самом деле, еще толком не решила, чего хочу в жизни.

– Ох-о-хо, – вздохнул я. – Некоторые даже и после института не знают, чего хотят...

– Я – не «некоторые», – ответила она довольно надменно. – Я привыкла четко знать, чего хочу, и всегда этого добиваюсь. Просто есть... внешние обстоятельства.

Я покивал с умным видом. Никогда не лезу к людям с расспросами, особенно к девчонкам. Захочет – сама расскажет.

Мы быстро напали на общую тему для разговора. То что интересовало нас обоих, – русский рок. В нем она разбиралась отлично, гораздо лучше меня. Причем о многих довольно известных рокерах Ники упоминала как о своих знакомых и приятелях. Сначала я подумал, что она притусованная фанатка, но

потом по нескольким проскользнувшим фразам понял, что она играет сама. У нее была своя рок-группа, которая даже записала один альбом. О нем Ники с кривой ухмылкой сказала:

- Да-а, фигово продавался. Все хвалят, но никто не берет - говорят, неформат. Так и раздали по друзьям и знакомым.

- А как записали? - заинтересовался я. - Это же, наверно, дорого?

- Папа дал денег, - сказала Ники равнодушно.

Наверно, врет, подумал я. Впрочем, почему бы и нет? Мелких рок-групп в Питере как тараканов, и в Москве, наверно, то же самое. Да и папы с деньгами не такая уж редкость.

Мы прошли уже почти до конца Липовой аллеи, и впереди замаячил железнодорожный переезд, когда Ники неожиданно повернулась ко мне, заглянула в глаза и спросила совершенно другим тоном:

- Леша, был ли ты когда-нибудь влюблен?

Я ошалело взглянул на нее:

- Чего?!

- Влюблен - страстно и безнадежно? Без всякой надежды на взаимность? И при этом - ты находишься с НИМ рядом каждый день, а иногда и ночь. Смотришь на него, вдыхаешь его запах, прижимаешься к нему плечом - и при этом точно знаешь, что тебе НИЧЕГО не светит?!

- Он что, голубой? - ляпнул я.

Ники бросила на меня бешеный взгляд.

- Нет, это я так... подбодрить тебя хотел!

– Меня невозможно подбодрить, – страдальчески произнесла она, устремляя взор к облакам. – Я схожу с ума... Вчера я приняла решение – все, хватит! Нельзя так мучиться! Я письмо ему написала, где призналась во всем, а он... – раздался всхлип, – он послал меня подальше! Он сказал, что «больше не желает этого слышать» и что «я его раздражаю»! Представляешь, какой ужас? Но что мне делать? Он – моя жизнь. А теперь мне остается только умереть!

– Точно. Ужас, – пробормотал я.

Во блин. Никакая она не готка! Это же самое натуральное эмо!

Вот ведь везуха мне подвалила! Можно сказать, солидного мужчину на третьем десятке – склеила чокнутая девчонка-эмо. В памяти услужливо всплыл характерный отрывок с какого-то портала:

«Скрежет тормозов! Крики людей! Кровь на асфальте, сирены „скорых“! И только окровавленный розовый мишка валяется среди дымящихся обломков...»

Говорила мне мама – не знакомься с девушками в общественном транспорте!

Впереди раздалась короткие резкие звонки, замигали красные огоньки – закрывался переезд на Старой Деревне. Я не к месту вспомнил Анну Каренину и подумал, что неплохо было бы на всякий случай увести мою эмо-герл подальше от рельсов и поездов. Незаметно повернул налево, в обледеневший сквер возле здания районной администрации. Ники этого не заметила. Она размашисто шагала рядом со мной, вся погруженная в свои страдания.

– Зачем только папа меня ему отдал?

«О как...»

В голове возник образ подпольного гарема.

– В Москве было так клево, так весело – ребята, тусовки... Кореша мои, клубы, квартирники... И тут появился папа и все испортил!

– «Папа» – это в смысле отец? – на всякий случай уточнил я.

Из бессвязной речи девчонки выяснилось следующее. У нее есть отец. Который какая-то там шишка. С отцом у Ники невероятно сложные отношения. Впрочем, наверно, типичные для властолюбивого папаши и трудного отпрыска, каким без сомнения является Ники. Папаша грубо вырвал ее из рокерски-тусовочной среды (я его где-то понимаю), а потом «отдал» тому парню, по которому она сейчас и страдала. В каком смысле отдал, я не вполне врубился.

- Он твой учитель?

- Воспитатель, - буркнула Ники, породив в моем воспаленном сознании образ колонии для несовершеннолетних.

- Чему он тебя учит-то? - осторожно поинтересовался я.

- Жизни, - кратко ответила она. Подумала и добавила: - И смерти.

Мне внезапно захотелось пойти домой, навернуть макарон с сыром и лечь спать.

Блин, с кем же это я ухитрился познакомиться?! Вот ведь влип!

Но все только начиналось. Я еще не понял, КАК я влип.

Мы прошли через сквер насквозь, снова пересекли улицу Савушкина и оказались на Приморском проспекте. Тут я сообразил, что выбрал крайне неудачное направление для прогулки. С одной стороны тротуара стремительно проносились машины, слепя фарами, и улетали в темноту. На другой стороне чернела Большая Невка в белях пятнах подтаявших льдин, дальше - полный мрак. Елагин остров. Горят одинокие фонари, и нет ни единого прохожего, кроме нас. И верно, какой идиот пойдет гулять в парк в такую погоду и в такое время?

Кроме девочки-эмо.

- Ага, - пробормотала Ники, завидев воду. - Прекрасно!

Она стремительно перебежала Приморский проспект, не обращая внимания на машины. Я, проклиная все на свете, устремился за ней.

Дальше мы пошли вдоль берега Невы. Мокрый нетоптанный снег под ногами превращался в кашу. Машины обдавали нас грязными брызгами. Ники снова завела песню про своего «воспитателя».

Его звали Грег.

И он был самым крутым в мире. Ну конечно.

– Хочешь, я расскажу, как мы с ним познакомились? – спросила она и, не дожидаясь моей реакции, начала: – Папа мне ничего не объяснил. Просто привез меня обратно в Питер. Сказал, типа – хватит страдать фигней. Пора начинать учиться. Я отца вообще-то уважаю и никогда с ним не спорю. Но тут уж я очень разозлилась. Ненавижу, когда мной распоряжаются, словно куклой. А он привел какого-то мужика, представил нас друг другу и вышел. Мы стояли друг напротив друга... я еще подумала – нарочно ничего не буду говорить, пусть он первый начнет. Отца я слушаюсь, но этому типу я в лояльности не клялась. И тогда Грег сказал мне одну вещь – очень странную. Он спросил: «Чем ты готова пожертвовать ради превращения?»

– В самом деле, странный вопрос, – озадаченно сказал я.

– Больше он ничего не сказал и ушел. Я долго обдумывала его слова. Весь вечер и ночь. Ответа так и не нашла, кстати. Но... знаешь, что я поняла утром? Что он – настоящий, и что он мне нужен.

Ники грустно усмехнулась.

– Что я в него влюбилась с первого взгляда – это я уже гораздо позднее догадалась...

Я наконец начал врубаться в ситуацию. Видимо, Ники сохла какое-то время по своему «воспитателю» молча. А сегодня у них состоялось объяснение, и он разрушил все ее девичьи мечты. Причем в резкой форме. Поставил на них

жирный крест. Растоптал тяжелым сапогом.

– Знаешь, мне кажется, он правильно поступил, – сказал я рассудительно. – В сущности, нет ничего более обычного и даже где-то нормального, чем влюбиться в своего учителя. Я когда в старших классах занимался карате, у нас был один такой тренер, что ему приходилось от девчонок лазать через окно раздевалки. Это же не настоящая любовь, а просто восхищение лидером. Тебе кажется, что ты хочешь своего учителя, а на самом деле ты просто хочешь стать таким, как он...

Ники неожиданно спокойно спросила:

– То есть, если не можешь превзойти своего учителя, то постарайся подчинить его себе хоть так, через постель?

Я моргнул.

– Э-э, нет, я этого не имел в виду. Что ты все переиначиваешь? Я хотел сказать...

– Если продолжать логически – именно так и получается. Подчинить учителя. Одолеть его, уничтожить его. Занять его место.

– Уничтожить и занять его место? – Я рассмеялся от неожиданности. – Ну знаешь, мы же все-таки не черные маги!

У Ники блеснули глаза.

– Вот именно. Мы – не черные маги. Я бы пожертвовала жизнью ради Грега! Может, хоть тогда бы его проняло!

Слева от нас показались ворота, ведущие в парк. Я надеялся, что они закрыты, но как бы не так – до закрытия парка оставалось еще полчаса. От самых ворот на Елагин остров вел широкий деревянный мост. Ники дошла до середины моста и остановилась возле ограждения, положив на него руки. Долго смотрела вниз.

– Какая черная вода! Холодная, наверно!

По ее телу пробежала волна дрожи.

Я тоже похолодел, понял, что она делает. Она примеряет эту воду на себя.

Черт! Зачем я привел ее сюда!

– Ники, может, хватит о мрачном? – нервно спросил я. – Мы же собирались за пивом! Это... Пойдем в кафе? Перекусим? Чайку горячего не хочешь?!

Я не забыл, что денег в обрез. То есть реально только на жизнь. Но ради того, чтобы увести отсюда дурную девчонку, я бы прожил до полочки на одной водопроводной воде и хлебных корках.

Ники не отвечала. Положив локти на поручни, она смотрела на воду.

Вода в Неве непростая. Она завораживает, особенно в холодное время года. Нева – река очень короткая, но мутная и полноводная. Черный поток течет медленно и неумолимо, как ртуть. Он совершенно непрозрачный. В нем плавно проплывают льдины – как будто пролетают мимо в мировом пространстве...

Мне показалось, что течение ее воды околдовывает Ники. Она стоит погруженная в себя, в свои бредовые мысли. Отстраняется с каждой секундой от внешнего мира. Сосредотачивается на чем-то...

Я схватил ее за руку. Рука была ледяная. То есть просто как у трупа, такая же холодная, как железный поручень.

– Ты же совсем замерзла!

– Тебе кажется, что я замерзла? – воскликнула она. – Как бы я хотела замерзнуть насквозь. Чтобы и душа, и тело превратились в глыбу льда! Но ничто не потушит огонь, который горит внутри меня!

По ее лицу текли слезы.

В другое время эти высокопарные слова меня бы насмешили. Но тогда я конкретно испугался. Уж больно место и время не располагали к веселью. А

главное, меня потряс вид Ники. Бледная, глаза так и горят, словно через них прорывается наружу тот самый огонь, о котором она говорит...

Кстати, глаза...

В глазах Ники была странность, неправильность, но я не успел осознать, какая. Да и не до того мне было.

– Ники, ну что ты! – Я обнял ее за плечи. – Успокойся, бедная!

Ники всхлипнула, прижалась ко мне – и через миг я обнаружил, что мы целуемся.

Да, она не обманула насчет огня! Огня было предостаточно, и через миг он охватил и меня. Мгновение мы горели оба... а потом она меня оттолкнула.

– Нет, ничего не поможет!

Я хотел ее удержать, но какое там! Она оказалась невероятно сильной. Вырвалась, будто это я был девчонкой, а она мужчиной, перелетела через поручни... и исчезла во мраке.

– Ники!!! – заорал я.

Я чуть не прыгнул вслед за ней. Если бы увидел ее, как она барахтается, – точно бы прыгнул. Но внизу все так же лениво текла Нева. Словно огромная медленная змея, только что сглотившая девочку – равнодушно, походя, как комара. Никаких следов Ники. Ни кругов на воде, ничего... Ощущение нереальности происходящего... Я метнулся было к воротам. Позвать на помощь! Может быть, еще не поздно!

Но вокруг не было ни человека, только по проспекту вдалеке мелькали огни фар. Я стоял один на покрытом инеем деревянном мосту в пустынном парке.

– Ники! – крикнул я угасающим голосом.

Я ничего не мог сделать.

Глава 4

Утопленница

На следующее утро я проснулся – точнее очнулся – и обнаружил, что простудился, проспал на работу и вообще плохо понимаю, где я и на каком свете. Зверски болело горло, голова была тяжелая, словно ночь не спал. Несмотря на то что вчера я доплелся до дома еле живой от усталости, нормально уснуть так и не смог. Сон был мучительно поверхностным – я просыпался от каждого шороха, с одной и той же картиной перед глазами. Ники, исчезающая под свинцовой водой...

Растирая ладонями опухшие глаза, я побрел на кухню и поставил чайник.

А потом сразу же включил компьютер. На этот раз не просто по вредной привычке, а по серьезной причине. Я хотел почитать новости. Не выбросило ли на невский берег хладное тело юной девы? И кто по этому телу проходит подозреваемым?

У меня были очень серьезные причины считать, что подозреваемым буду я.

Я прошелся по городским новостным порталам, просмотрел криминальные сводки. Нигде – ни слова об утопленницах.

Тогда я перевел дух и пошел на балкон курить. Хотя мне давно надо было бежать на работу. Позвонить, сказать, что заболел? Нет, сразу что-нибудь заподозрят. Не надо подавать против себя лишних поводов для подозрений. Их и так предостаточно...

Я глотал сырой холодный воздух пополам с дымом, прокручивая в голове вчерашний безумный вечер. Особенно его финал. Я вспоминал, как в панике метался вдоль ограждения моста (хорошо все-таки, что удержался и не прыгнул); как, скользя по обледенелому склону, скатился к самой кромке воды и с разбегу влетел по колено в ледяную реку, причем даже этого не заметил. Все напрасно – Ники исчезла бесследно. Прошло уже минут двадцать, а я все не мог

уйти оттуда, хотя разум подсказывал мне – все кончено, девочка-эмо мертва. Тогда меня начало трясти. Надо было что-то предпринять... что угодно, только не бездействие. Я с трудом взобрался по крутому берегу на набережную и, слабо соображая, что делаю, раскинул руки и бросился наперерез приближающемуся автомобилю.

По ушам ударил визг тормозов. Я рефлекторно застыл, щурясь от яркого света фар. Открылась передняя дверь, наружу выскочил взбешенный водитель.

– Послушайте! – крикнул я, готовясь выслушать все причитающиеся мне вполне заслуженные матюги. – Там человек упал в воду...

И умолк, попятившись к тротуару. Машина оказалась милицейская.

С ментами у меня отношения, мягко говоря, неважные. Особенно с нашими районными. Познакомился я с ними при самых что ни на есть типичных обстоятельствах: пришел заявлять о краже кошелька. Менты отказались брать заявление, да еще и нахамили; я возмутился и принялся качать права и в итоге провел полдня в обезьяннике без шнурков и ремня, зато в компании нескольких обобранных алкашей. Менты стращали, что заведут дело или просто отобьют почки, но, покуражившись, смилостивились и отпустили. В общем, мало есть явлений на свете, которые я от души ненавижу. Одно из них находилось прямо передо мной.

– Чего-о? – протянул усатый мент, глядя на меня крайне подозрительно. – Какой человек? Куда упал?

Я выставил вперед руки, продолжая пятиться.

– Э-ээ, все нормально. Никто никуда не падал...

– Ну-ка, иди сюда!

Я молча развернулся и кинулся в темноту – обратно к реке. Сзади раздались сердитые окрики. Скользя по берегу, я слышал, как глохнет мотор и открываются дверцы. Вот черт, угораздило нарваться на патрульную машину!

Конечно, по идее, о гибели Ники надо было сообщить. Ее наверняка будут искать. У нее есть родители. Папаша – злодей – большая шишка... Жестокосердный «воспитатель» – крутой перец... Но кому? Только не ментам! Я прекрасно понимал: если скажу им, что познакомился с девушкой, которая через час при мне же бросилась с моста, то немедленно окажусь главным подозреваемым. Как менты поступают с потерпевшими, я уже испытал на своей шкуре; страшно предположить, что они там делают с подозреваемыми! Отбитыми почками тут, пожалуй, не отделаешься...

На краю набережной показалось два силуэта.

– Вон туда, к реке побежал, – сказал противный молодой голос.

– Кто и куда упал, я не понял?

– Сейчас разберемся...

По берегу скользнул луч фонарика. Я метнулся к мосту, единственному месту, где мог сейчас укрыться. Под низкой аркой моста царил кромешный мрак, только у самой воды белела какая-то размытая полоска – то ли пены, то ли тумана...

При виде этой полоски мои шаги вдруг замедлились. Я понял, что совершенно не хочу лезть под мост. Но другого выхода не было. Преодолевая себя, я нырнул в густую тень. И замер на полушаге.

Тут было темно и сыро, капало сверху, пахло водой и соляжкой. И почему-то свежей травой. Этот запах был мне уже знаком. И теперь я мог видеть эту траву собственными глазами. Она росла прямо передо мной – узкая полоска, клином уходящая к воде. Затаив дыхание, я смотрел, как покачиваются колоски с острыми усиками – мягко и плавно, словно водоросли, светясь бледно-зеленым светом.

Я моргнул – трава пропала. Потом появилась снова. И опять исчезла. Этот странный мираж напоминал язык тумана. Или язык некоего чудовища, высунутый из воды. Между колосками в самом деле стелилась белесая дымка. Мне стало зябко, бог знает почему...

Снаружи, издалека, донеслась ругань. Менты, скользя по наледям, спускались к воде.

– Под мостом сидит, падла!

– Сейчас вытащим его оттуда!

«Надо зайти подальше под мост, – подумал я. – Пока они тут шарятся, вылезти с другой стороны и свалить отсюда!»

Замечательный план... но, чтобы его воплотить, надо было пересечь полосу призрачной травы. А я не мог заставить себя поставить на нее ногу.

Перепрыгнуть под низким сводом моста – нереально...

Менты были уже близко. Я слышал, как они пыхтят, как скрипит галька у них под подошвами. По берегу зигзагами бегал луч фонарика. Менты переговаривались между собой, обсуждая козла, в смысле меня. Голоса у них были раздраженные и нервные. Мне показалось, они тоже чего-то боятся.

Получается, я ничем не лучше их?

Эта мысль так меня разозлила, что я решительно шагнул под мост – и нога до щиколотки погрузилась в туман.

Ногу обдало холодом, жгучим как кипяток. словно я встал босиком на тонкий лед. Потом этот лед покрылся паутиной трещинок, медленно и беззвучно просел, и я в ужасе почувствовал, что начинаю куда-то погружаться. Рванулся, но без толку – ноги совсем онемели, я даже не чувствовал их, будто они совсем отмерли от прикосновения этой туманной дряни. И это онемение ползло все выше...

Я аж зашипел от злости. Зачем я туда сунулся?! Ведь чуял – не надо! Подобные предчувствия у меня бывали и раньше и никогда не обманывали. Недаром я искал Ники где угодно, только не под мостом. И вот результат – теперь я застрял тут, медленно проваливаясь в ледяной туман, а между тем голоса ментов звучат все ближе.

В поле зрения возникли ноги в форменных штанах и ботинках. Кто-то, нагибаясь, заглянул под мост. Луч фонарика ударил прямо в лицо, ослепив меня. Я зажмурился, ожидая крика «Вот он!». Но тут...

Время словно остановилось. Или очень-очень замедлилось. Так иногда бывает в минуту сильной и внезапной опасности. Я осязаемо чувствовал жаркий луч света, словно он не просто ударил в глаза, а прошел сквозь кожу и кости и согрел меня изнутри. В груди стало жарко. И я, сам не осознавая, что делаю, вдохнул этот свет, выпил его одним глотком – как рюмашку опрокинул. А фонарик хрустнул внутри и погас.

Я опять ослеп, заново привыкая к темноте. На берегу ругались менты. Один тряс фонарик, не понимая, с чего он вдруг перестал работать. Другому было лень подниматься к машине за запасным. Я стоял тихо-тихо, прикрыв глаза и с удовольствием чувствуя, как выпитый свет превращается в приятное тепло и сочится из живота вниз, к онемевшим ступням, возвращая их к жизни.

«Давайте, угу, сходите за вторым фонариком. Я и его выпью», – думал я лениво. Теперь меня тянуло в сон. Но менты взобрались на набережную и обратно к воде не спешили. Та жуткая штука, на которой я стоял, – она здорово отпугивала. Даже издали фонила, если можно так выразиться. Но теперь она играла на моей стороне.

– Да нет там никого! – услышал я противный голос младшего мента.

– С той стороны вылез, – сердито отозвался второй. – Эх, говорил я, надо было с двух сторон заходить... Убежал, гад.

– Ну и хрен с ним.

Я услышал, как завелся мотор, хлопнули дверцы, и патрульная машина отъехала от моста.

Только тогда я взглянул под ноги. И обнаружил, что стою на обычном галечном берегу, касаясь воды носками ботинок. Никакой призрачной травы и в помине не было.

На меня вдруг навалилась такая чудовищная усталость, что лег бы и уснул прямо на грязной гальке. Едва волоча ноги, словно каждая весила по пуду, я кое-как взобрался на набережную и поплелся домой. Голова была пустая, никаких мыслей. Только добраться до постели и уснуть...

...

На работу я все-таки пришел – к обеду. Даже отмазок сочинять не пришлось – начальница, едва взглянув на мои опухшие глаза и красный нос, посоветовала взять больничный и не заражать сотрудников гриппом, изображая фальшивый трудовой энтузиазм. Весь день я провел как в бреду. Ходил как робот, что-то делал, разговаривал, даже шутил с сослуживцами, а перед глазами по-прежнему стояла Ники. Ее тело, остывающее под невской водой... Вместо работы поминутно лазал в новости, прислушивался к разговорам и подскакивал при каждом звуке открываемой двери, в полной уверенности, что это пришли за мной.

В общем, даже странно, как это коллеги ничего не заподозрили.

После обеда я невероятным усилием воли избавился от приступов паранойи и принялся рассуждать о том, как поступить дальше. Нельзя же пускать дело на самотек! Надо кому-то сообщить о Ники... Но кому? И как? Или ждать, пока труп всплывет сам? Брр...

В общем, до конца рабочего дня я ничего не предпринял. А потом и не понадобилось. Выходя с работы, я увидел ее.

На проходной меня ждала Ники.

Выглядела она в точности как вчера. Бледная как смерть. Запавшие глаза подведены черным. Под ногами у нее натекла грязная лужа.

Возвращение живых мертвецов.

Я хотел заорать. Но вместо этого просто пошевелил губами... а звук почему-то не раздался. А утопленница робко улыбнулась и сказала:

– Ой, Леша, привет. Извини за вчерашнее. Просто нервный срыв. Я не должна была втравливать тебя в свои проблемы.

Я стоял как столб. Ники подошла поближе и искательно взглянула на меня снизу вверх:

– Понимаешь, когда я увидела тебя в трамвае, ты, ну как бы это сказать, прямо-таки светился! А в тот момент мне был нужен рядом кто-то... теплый.

Последние слова, произнесенные замогильным голосом, произвели на меня потрясающее впечатление.

– Ты простишь меня, правда, Леша?

– Эм-м...

– Ура! Я так и знала, я в тебе не ошиблась, что бы там ни болтала бабка! Пошли погуляем, – заявила Ники, как ни в чем не бывало. – Ты сейчас домой? Можно я с тобой пройду?

Я ей не возразил. Честно говоря, у меня просто не шевелился язык.

Мы вышли из института, перебежали через улицу, прошли наискось через сумрачный сквер, заросший корявыми яблонями. По дороге язык у меня наконец отмерз от неба, и я забросал Ники вопросами:

– Как ты выбралась из воды?!

– А, фигня. Подумаешь, небольшое купание! Зато остыла, и в голове прояснилось. Нет, правда-правда! Я потом пошла к Грегу, он как раз сидел у нашего общего приятеля на Яхтенной... Обсохла там, – Ники лукаво посмотрела на меня. – Попили чайку и все спокойно обсудили. Грег извинился за резкие слова, а я пообещала, что больше не буду к нему приставать с глупостями. В общем, мы помирились.

– Ну вот и слава богу, – сказал я, покосившись на Ники.

У нее было такое хитрое выражение лица, что я бы на месте этого Грега не расслаблялся.

- Слушай... а трава?

Ники склонила голову набок. В ушах у нее блеснули прикольные серьги в виде двух серебряных черепов.

- Какая трава?

- Которая росла под мостом! Ты ее разве не видела?

- Конечно нет! - Ники посмотрела на меня честным детским взглядом. - Откуда трава в марте, Лешка, ты чего?

Я промолчал, не зная, что думать о ее словах. Если она и не врала, то явно что-то недоговаривала. Но какое у меня право ее выпрашивать? Я ей никто. Она могла бы и вообще сегодня не приходить. Жива - и чудесно!

Неожиданно я вспомнил еще кое-что, оставшееся без объяснений.

- Ну-ка, посмотри мне на лоб!

- Посмотрела. И что?

- Ничего там не видишь? Никаких... символов?

Ники тут же уставилась мне в середину лба над бровями - именно туда, где я видел знак восьмилестника. Мне показалось, просьба ее не удивила. Очень интересно...

- Неа, не вижу, - сказала она. - А там что-то было, да? Что именно?

Но тут уж настала моя очередь многозначительно помалкивать.

Сквер закончился. Мы обогнули свежестроенный сверкающий домище, стоящий особняком, и углубились во дворы Старой Деревни.

Ники бодро шагала рядом со мной, шлепая по асфальту подошвами на толстом протекторе. Я слышал, как она сопит и хлюпает носом – видимо, тоже вчера простыла, купание не прошло для нее даром. Я понемногу начинал успокаиваться.

Похоже, она все-таки не пришелец с того света.

И все же. Как она умудрилась выбраться из воды, если я безвылазно проторчал на берегу не меньше получаса?

Почему я не слышал всплеска?

И что-то еще... Была еще одна мелкая странность с ее глазами.

Но какая, я забыл.

За школой, куда я ходил в детстве, среди старых тополей прятался мой дом. Ничего примечательного в нем не было – обычная пятиэтажная хрущевка. Зато, когда я был маленьким, это был крайний дом в городе. За ним город заканчивался. Нынешняя тихая Школьная улица была объездной дорогой, по которой день и ночь грохотали «КамАЗы». За ней проходила железная дорога, а дальше начиналась Торфянка, она же Торфяные болота. На самом деле, никакие это были не болота, а просто пустоши, заросшие осокой и чертополохом в человеческий рост. Там было круто играть в детстве. А из окон по вечерам были видны не огни соседних домов, а чернильная темнота.

Я зачем-то рассказал обо всем этом Ники. Она слушала с интересом, одобрительно кивая.

– Мне тут нравится, – сказала она. – Люблю пограничные места! Знаешь, те, кто живет на границе чего-нибудь с чем-нибудь, по-особому чувствуют мир. Они понимают, что мир может быть разным.

– Как это?

– Ну, существовать в нескольких вариантах. Большинству-то кажется, что мир неизменный, и за каждым поворотом одно и то же, так что и ходить туда незачем.

– «Бывают и те, кто все рвется за край», – процитировал я «Ночных снайперов». – Ты из них, да?

– Нет, – спокойно ответила Ники. – Чего мне рваться? Я, честно говоря, чаще бываю с той стороны, чем с этой.

Говоря это, она кивнула в темноту за гаражами.

У меня по спине пробежали мурашки, потому что в той стороне, куда она кивала, находилось не что иное, как Серафимовское кладбище. Может, оно и случайно получилось, но на фоне всего остального...

Тем временем мы незаметно дошли до моей парадной. «Не пригласить ли Ники в гости?» – закралась в голову шальная мысль. Но я сразу ее прогнал. Честно говоря, моя квартира мало подходила для того, чтобы водить туда девушек. Одна барышня так бросила меня сразу, как ее увидела. Даже Ленка, которая была куда крепче духом, не сумела ничего поделаться с моей берлогой. Не случайно она запрещала мне водить туда Ваську. Видимо, боялась, что Васька просто потеряется среди нагромождения разного хлама.

– У тебя там настоящее драконье логово, – говорила Ленка, брезгливо морщась. – Собрал огромную кучу «сокровищ», навалил на полу и спишь на них. Да еще и на гостей рычишь, чтобы ничего не трогали!

Когда я на третьем курсе наконец съехал от родителей на съемную квартиру, то устроил там все именно так, как всегда хотел. У меня дома было очень уютно. Правда, немного тесновато. Если точнее, от входной двери были протоптаны три дорожки: до компа, до чайника и до туалета. Все остальное место занимало нагромождение всякого барахла.

Внутри всегда царил приятный, таинственный полумрак. Одно окно было занавешено от солнца простыней, другое – огромным флагом «„Зенит“»-

чемпион», подаренным мне друзьями на день рождения (сам я от футбола не особо фанател, но флаг в хозяйстве пригодился), а третье вообще без занавесок – за ним все равно рос тополь. Перед этим окном стоял комп, почти невидимый за нагромождением всяческого железа, проводов, деталей и пыльных компакт-дисков, скопившихся за несколько лет. Книг и журналов было так много, что не хватало стеллажей, и я складывал их стопочками прямо на пол. Стопочки росли с удивительной скоростью, превращаясь в пизанские башни. Книги были самых разных жанров, больше всего фантастики и исторических романов, и куча разных экзотических справочников: по холодному оружию, по видам акул, по татуировкам и так далее. То, что мне никогда в жизни не пригодится и не встретится – за это и ценимое.

На облезлом стенном ковре была развешена небогатая и, в общем, постыдная коллекция оружия: стрела, раскрашенная и оклеенная золотой фольгой, и катана. Серая от пыли стрела символизировала мою победу на конкурсе лучников, который я случайно выиграл, будучи эльфом, на какой-то ролевой игре. В эльфы меня записывали автоматически, по причине подходящей внешности. Надо сказать, меня это быстро достало, и с ролевыми я вскоре завязал, не находя в себе сил относиться к этой чепухе с подобающей серьезностью. Зато именно там приобрел привычку носить длинную русую челку на прямой пробор. Все девушки говорили, что мне такая прическа очень идет.

Если стрела была откровенной безделушкой, то катана, наоборот, выглядела вполне серьезно. Черные лакированные ножны, белая рукоятка из кожи ската (по крайней мере, хотелось так думать), грозно сверкающее лезвие... Катана возникла в моей квартире в краткий период страстного увлечения всяческой японщиной. Я даже недолго занимался кэндо, польстившись на его кажущуюся простоту. В кэндо всего семь базовых ударов, а в принципе хватит и одного. Самое главное – опередить противника, поскольку такой тяжелой, бритвенно заточенной железякой, как катана, не очень-то пофехтуешь.

Но, как водится, оказалось, что «простота» означает невероятную сложность, доведенную до такого совершенства, до какого я никогда в жизни ничего не доводил. Да, честно говоря, и не собирался. Увлечение закончилось так же быстро, как и началось, а катана осталась и прижилась на стенке. Давно уже покрылась слоем пыли, но смотреть – просто смотреть – на нее все равно было приятно.

Посреди большой комнаты росло в жестяном ведре раскидистое двухметровое авокадо (сам вырастил из косточки). Под ним пылился спортивный велосипед, к которому я уже пару лет как охладел, а продавать было жалко. В соседнем углу стояли «дрова» – горные лыжи, в третьем красовалась летняя резина для отцовских «Жигулей», догнивавших в гараже. Был еще турник – на нем обычно сушились джинсы. Под всем этим робко скрывалась хозяйская мебель времен застоя. Желтенький буфет, разохшийся шифоньер, трюмо... Эта мебель вызывала особенную неприязнь Ленки. «Даже у старух такого хлама уже нет!» – шумела она.

На кухне было свободнее и чище исключительно потому, что я туда почти не заходил. Чайник у меня стоял в комнате, завтракал и обедал я в институте, а на ужин варил пельмени или разогревал заморозку и поедал ее перед компьютером.

Мне почему-то подумалось, что Ники воспримет мою обстановочку не так остро, как Ленка. Но здравый смысл воспротивился, и я вернулся к изначальному замыслу. К тому, на чем мы остановились вчера.

– Так что, пойдём пить пиво? – предложил я. – Отметим твое... гм... воскрешение!

Ники, естественно, не возражала.

Минут через двадцать мы благополучно преодолели переезд и оказались у метро «Старая Деревня». Там, где относительно недавно были только заболоченные пустоши, – теперь сияние огней и кипение жизни. Кольцо маршруток, метро, рынок, торгово-развлекательный центр на пять этажей. Туда-то я и повел Ники.

В подвале комплекса скрывался пафосный пивняк в стиле Старый Добрый Ирландский паб. Такой, с искусственно состаренными фотографиями в винтажных рамочках, при виде которых сразу становится ясно, что за кружку портера ты здесь переплатишь раз в десять. Я туда обычно не ходил, поскольку эти буржуйские забегаловки были мне не по карману. Но сейчас мне вдруг стало как-то все равно.

Мы спустились на подземный этаж, вошли в зеленоватый полумрак паба и сели за якобы растрескавшийся от старости деревянный стол. Официантка, одетая кем-то вроде феири – зеленая мини-юбка, чулки в поперечную оранжевую полоску, – принесла меню в обложке из тисненой кожи. Цены были такие, что пробирали дрожь. Но я лихо заказал нам с Ники по пинте «Гиннеса» и кучу закусок на все деньги, на которые собирался жить еще дней десять. Мной овладела какая-то странная беспечность – «эх, пропадать, так пропадать!». Почему-то казалось, что я приближаюсь к некой черте, за которой то, что мне надо как-то протянуть до полочки, уже не будет иметь значения.

– За твое возвращение!

Мы чокнулись тяжеленными кружками. Горьковатый, почти черный «Гиннес» был роскошен. В кружке плотной шапкой стояла шелковистая пена. Вылебнув полкружки, я с азартом принялся за закуски. Ники с любопытством вертела головой, изучая паб.

– О, смотри! – Она ткнула пальцем в маленькое возвышение для живой музыки в углу. – Пианино!

Пианино было лакированное, украшенное бронзовыми подсвечниками. Ха, а подсвечники-то явно неродные, не особо аккуратно привинченные шурупами. Я сказал об этом Ники, она вгляделась и захохотала:

– Да это же «Красный Октябрь!» У меня такое было в детстве, еще мамино. Ух, проклятый гроб с музыкой!

– И стиль не выдержан, – поддакнул я. – Какой еще «Красный Октябрь» в ирландском пабе? Халтурщики! А еще пиво продают по триста рублей кружка!

Некоторое время мы с удовольствием ели и пили. Я окончательно удостоверился, что Ники не утопленница – не бывает у мертвецов такого аппетита. Народу за столиками почти не было, от силы человек десять – то ли слишком дорого, то или слишком рано. За стойкой скучал бармен в зеленой бандане.

Заиграла негромкая музыка. Я насторожил уши, но ничего специфически ирландского не услышал – просто включили радио. Но песня была приятная.

Романтическая мелодия, тревожный и нежный женский голос:

Позабытые стынут колодцы,
Выцвел вереск на мили окрест,
И смотрю я, как катится солнце
по холодному склону небес,
теряя остатки тепла...

– Вот точно так же мы сидели с Грегом, когда я узнала, что люблю его... – сказала Ники, глядя мечтательным взглядом поверх кружки.

Похоже, меня ждала новая порция признаний.

– Сидели мы с ним как-то зимой в пивбаре на Литейном... Нет, не с того начну. Мы начали обучение... Нет, об этом лучше не надо... Короче, мы с ним часто спорили, – заговорила Ники. – Все споры затевала я. Дело в том, что мне казалось, будто Грег меня подавляет.

– Как это?

– Будто он обрел надо мной слишком большую власть. Казалось, что он чересчур умный, слишком много всего умеет и знает – и я рядом с ним вообще никто... А я не привыкла к такому, понимаешь?

– Ну да, – снова поддакнул я. – Ты уже привыкла быть знаменитой рокершей, а тут какой-то Грег тебя жизни учит, да?

– Типа того. И еще, я поначалу как-то не доверяла ему. Его это сердило. Он говорил, что из-за моего сопротивления обучение идет в три раза медленнее, чем могло бы... Что я не хочу меняться, потому что боюсь нового, цепляюсь за старое окружение... А я в самом деле боялась, только не перемен, а потери себя – ну, ты понимаешь, о чем я? Что перестану быть личностью, превращусь в его марионетку...

- Чему обучение-то?

- Не суть. Так вот сидели мы с ним после занятий в пивбаре, оба уже слегка косые - ну, точнее, я косая, он-то не пьет, - и продолжали один старый спор. Речь шла о пределах влияния и о зависимости. Насколько один человек может подчинить себе личность другого. Неожиданно Грег взял меня за руку... вот так, - Ники протянула руку и крепко взяла меня за запястье, - притянул к себе и спросил, глядя в глаза: «Ну а если бы я сказал тебе - приходи ко мне сегодня ночью, неужели бы ты согласилась?»

От прикосновения Ники меня бросило в жар. А ее мрачные черные глаза меня просто загипнотизировали.

- Да, - сипло ответил я.

Она усмехнулась и отпустила мою руку.

- Вот и я сказала - «да». Неожиданно для себя. И в тот же момент поняла, что люблю его. Давно уже люблю, с первой нашей встречи.

Грег не ожидал этого услышать, у него на лице было написано. Он нахмурился, помрачнел. И с тех пор стал держать дистанцию.словно стену между нами возвел. А раньше, наоборот, пытался ее разрушить... Я честно пыталась играть по его правилам, но сломалась.

- Ага, а потом ты послала ему письмо, да? - вспомнил я.

- Угу. Идиотское письмо. В стиле Татьяны Лариной. «Я вам пишу, чего же боле...» Ничего хорошего не вышло. Но хоть на душе немного полегчало...

Ники грохнула кружкой по столу.

- Почему он так себя ведет? Неужели я уродина?!

- Нет! Ты очень красивая! - воскликнул я и попытался снова завладеть ее рукой.

Ники усмехнулась мне вполне ласково, но руку отняла.

Подошла официантка, заменила пепельницу. Я заказал еще по пинте. В голове у меня уже стоял легкий, приятный шум. Ишь какое крепкое пиво, а пьется как вода...

Давно я так душевно не проводил время, хотя Ники, конечно, весьма странная девчонка. А с другой стороны – почему бы и нет? Разговоры с приятелями по кругу про одно и то же давно надоели.

Ники задумчиво проговорила, все о своем:

– Иногда мне кажется, что Грег на самом деле – мертвец.

– Что он, зомби? – сострил я.

– Нет, он живет так, словно давно умер. Имей это в виду, когда познакомишься с ним. Он может показаться на первый взгляд симпатичным, даже добрым, но на самом деле у него вообще нет человеческих чувств. Он не злой, но иногда бывает очень жестоким...

– Как это?

– Еще увидишь. Он никого не жалеет – ни себя, ни других. И еще – он ничего не боится...

Я хотел сказать, что вовсе не собираюсь с ним знакомиться. И что мне уже надоело обсуждать этого типа.

Но тут Ники добавила такое, что я совсем обалдел.

– Впрочем, даже если бы он в самом деле был мертв – мне без разницы. Я не боюсь мертвецов. И для меня нет ничего необычного в том, чтобы любить мертвеца. Мой папа был мертвым почти десять лет.

– Что? – пробормотал я.

Ответить Ники не успела.

Что-то застило мне свет. Когда я поднял голову, то обнаружил, что над нашим столом нависает байкер.

Глава 5

Еще одно сомнительное знакомство

Это был настоящий монстр. Огромный, под потолок, с короткой пегой бородой. Руки в татуировках, плечи как у рестлера, пивное пузо, длинные волосы собраны в хвост. На поясе – что-то вроде тесака в ножнах, на ногах казаки, подбитые железом. Он занимал так много места, что паб показался маленьким, тесным и жалким.

Увидев незваного гостя, Ники радостно воскликнула:

– Ой, Валенок! Какие люди! Садись, выпей с нами!

Радость Ники показалась мне несколько наигранной. То есть как будто в принципе против этого бегемота она ничего не имела, но сейчас предпочла бы, чтобы Валенок оказался в каком-нибудь другом месте.

Байкер на ее приглашение не отреагировал. Не взглянув на меня, он медленно произнес:

– Эй, Ники, Грег не одобрит, что ты пьешь пиво с этим парнем!

– Никто не смеет указывать мне, что делать и с кем встречаться! – вскинулась Ники. – Если Грег против, он сам мне об этом скажет!

– Грегу по фигу, с кем ты встречаешься, – безжалостно сказал байкер. – Но ему не понравится, что ты выбалтываешь случайному собутыльнику вещи, которые его не касаются.

- Это кто тут случайный собутыльник? - возмутился я.

Байкер меня опять проигнорировал.

- Пошли-ка отсюда!

Я думал, Ники сейчас вспыхнет, но, к моему удивлению, она сказала примиряющим тоном:

- Да забей, Валенок. Ничего такого я не разболтала. Выпей с нами, Леша угощает.

- Ага, щас, - расхохотался я, в душе вскипая от негодования. - Отвали, как там тебя, Ботинок! Тебя сюда никто не приглашал!

- Леша, замолчи! - крикнула Ники.

Но было поздно.

Байкер повернулся и вдумчиво осмотрел меня с ног до головы. Меня пробрала дрожь от его взгляда. Глаза у него были жуткие - маленькие, неподвижные и холодные. Да еще и с сумасшедшинкой. Глаза крокодила. Или психа.

Чокнутая рептилия в центнер весом спросила меня:

- Что ты сказал, красавчик? «Отвали»?

- Вот именно. Она пришла сюда со мной и со мной уйдет! - твердо заявил я. - Понял, толстяк?

Байкер неожиданно заухмылялся, как будто предвкушая нечто очень веселое.

- Я не толстый, - щерясь, сказал он. - Я - полный.

- Полный, ну-ну. Вон брюхо качается!

– Это не брюхо. Это мое тайное оружие – Молот Асов!

Продолжая мерзко улыбаться, он двинул меня пузом. Я сам не понял, как вылетел из-за стола и растянулся во весь рост на зеленом ковролине.

Тем временем Валенок втиснулся на мое место и демонстративно отхлебнул из моей кружки.

За соседними столиками сдержанно захихикали. А потом предвкушающе замолчали.

Я встал. Тщательно отряхнулся и направился к столу.

Есть у меня одна дурацкая привычка. Бороться за правду и получать по тыкве. Причем в ситуациях, когда явно ничем нельзя помочь. Например, один против пяти. Заканчивается дело обычно тем, что я ничего не добиваюсь, а жертва все равно получает все, что ей причитается, и я вместе с ней за компанию. Потом, естественно, я же оказываюсь во всем виноват.

Я сам не нарываюсь, нет. Но если меня провоцируют... Оскорбляют на глазах у девушки, которой я хочу нравиться...

Бугай Валенок меня не провоцировал. Он просто со мной не считался. Ему казалось, что если он на меня плюнет, то я утону.

И меня уже не волновало, что он выше меня на голову, в два раза шире в плечах, а руки у него как у меня ноги. Я просто схватил свою кружку, выплеснул ему в морду «Гиннесс» и приготовился умереть.

Погибель пришла в виде ослепительной вспышки света. В голове что-то хрустнуло. Когда сияние погасло, и мне удалось приоткрыть правый глаз, я обнаружил, что опять лежу на ковролине. Вся левая половина лица не чувствовалась. Левый глаз ничего не видел.

– Эй, немочь, ты жив? – раздался сверху голос. – Скорую вызвать?

Валенок стоял наклонившись надо мной. Такой случай я не мог упустить.

– Я просто дал тебе фору!

Распрямив ноги, как пружины, я шарахнул его двумя сразу в челюсть.

Голова Валенка мотнулась, он покачнулся, но не упал. Зато он наконец обозлился. Что-то случилось у него с глазами, от чего они стали еще хуже, чем раньше. Они отчетливо пожелтели, а зрачки стали вертикальными, как у кота. Меня вдруг охватил какой-то животный страх, руки и ноги ослабели.словно я купался в озере, и передо мной вынырнул крокодил.

Издали, словно через слой ваты, донесся вопль Ники – такой странный, что я решил, что он мне чудится:

– Не убивай его! Вспомни о гвоздях!

Валенок не подал вида, что услышал крик Ники. Он сгреб меня с пола, без всяких видимых усилий поднял над головой, как таран, раскачал и отправил в полет.

Внизу промелькнули столики и бледные лица посетителей. Позади послышался звон стекла – кажется, в полете я задел еще что-то. Потом раздался грохот, треск и нестройный аккорд. Казалось, в меня воткнулось несколько сотен ножей. Я взвыл, заглушая восторженный вопль Ники:

– Йес! Всегда мечтала посмотреть, как оно устроено!

Если Валенок рассчитывал, что я живописно воткнусь головой в пианино, то немного перестарался – оно развалилось целиком.

Несколько минут я барахтался среди струн, оклеенных войлоком молоточков и острых лакированных щепок. Валенок нависал надо мной, скрестив руки на груди, и ждал, что я буду делать дальше.

Я стиснул зубы и встал, преодолевая боль. Вокруг царил полный бардак. Все было разбито и переломано, на полу хрустело стекло. Музыка затихла. Немногочисленные посетители, не успевшие удрать, жались по стенкам и выглядывали из-под столов. Бармен куда-то слился.

Неужели это все устроил я?!

- Извините, - выдавил я, покачиваясь. - Сейчас я...

И умолк. Ну что тут скажешь?

«Приберусь?»

«Компенсирую?»

Последняя мысль привела меня в ужас.

В бар заглянул охранник, увидел Валенка и сразу спрятался. Я увидел в отражении дверного стекла, что он быстро жмет на кнопки телефона. «В ментовку звонит!» - понял я. Вдалеке замаячил зловещий призрак РУВД.

Валенок, видимо, тоже заметил охранника, потому что вытащил меня из обломков пианино и поволок наружу.

- Наконец-то ты начал сражаться всерьез! - прохрипел я, безуспешно пытаюсь вырваться из его удушающего захвата. - Теперь я покончу с тобой моим новым суперприемом!

Валенок хмыкнул.

- Меня восхищает твоя воля к победе!

И он легонько стукнул меня по куполу. Я отрубился. На этот раз надолго.

Очнулся я от холода, открыл глаза и обнаружил, что лежу в луже. Я с проклятием приподнялся. Мир перед глазами подозрительно покачивался. Вокруг было темно и сыро, дул ветер, моросил дождь. Откуда-то издали доносилась музыка и звуки милицейской сирены.

- ...ну и зачем ты его склеила? - услышал я рядом бас Валенка. - Не понимаю! Задохлик какой-то...

Ники что-то резко ответила.

Я сел, застонав от пронзившей голову боли. Холодная вода затекла мне за воротник, вся спина промокла.

– Смотри, живой! – удовлетворенно сообщил Валенок. – А ты боялась!

Ники с Валенком стояли в паре шагов от меня и с интересом смотрели, как я пытаюсь встать. Не удивлюсь, если Валенок нарочно положил меня в лужу, чтобы я побыстрее пришел в себя.

Валенок курил, и огонек на конце его сигареты был единственным пятном света в ближайших окрестностях. Я далеко не сразу понял, куда они меня притащили. Потом дошло – на железнодорожную платформу «Старая Деревня». Не представляю, как они пронесли меня через турникет. Впрочем, скорее всего они влезли сюда со стороны рельсов. Но выбор был правильным. В такое время суток и в такую погоду на платформе не было ни единого человека. И что особенно радовало – никаких ментов поблизости. Видимо, от погони удалось оторваться.

– Спасибо, ребята! – искренне сказал я.

– За что? – удивилась Ники.

– За то, что не бросили меня в пабе, – объяснил я. – Я бы до конца жизни не расплатился за это паршивое пианино...

– Забей, – сказал Валенок добродушно. – Ну, ты в порядке? Тогда валим отсюда. Замерз как собака!

Я мог бы рассказать ему, что такое по-настоящему замерзнуть. Но промолчал, чтобы он не решил, будто я жалуясь.

Мы перелезли через ограждение платформы (никто из них и не подумал мне помочь), спрыгнули на землю, пересекли пустырь и молча пошли вдоль улицы. Валенок вышагивал впереди, чеканя тяжелый шаг, словно статуя Командора. Меня шатало, как на палубе в шторм, из рукавов капала вода, исцарапанная кожа горела... Немногочисленные встречные прохожие при виде нашей

компании менялись в лице и переходили на дальнюю сторону тротуара. Ники, косясь на меня, то и дело начинала хихикать.

- Что смешного?! - не выдержал я.

- Да так, - давясь смехом, сказала она. - Просто как вспомню пианино... Леша, а кто ты по гороскопу? Не по месяцу, по году...

- По году - Дракон, - мрачно сказал я.

Ники это почему-то рассмешило до истерики.

- Оно и видно, - всхлипывала она, вытирая слезы, и никак не могла успокоиться. - Так я и думала!

На перекрестке Школьной и Липовой аллеи мы остановились.

- Все, нам в другую сторону, - сказал Валенок. - Бывай, немочь.

- Да пошел ты!

Ники подошла ко мне, привстала на цыпочки, осторожно обняла за шею и поцеловала в здоровую щеку.

- Пока, Леша. Приятно было познакомиться. Честное слово!

Я воскликнул, хватая ее за руку:

- Ники, стой! Ты что, вот так уйдешь, и все?! Хоть номер телефона оставь!

- Эй! - встрял Валенок. - Только попробуй!

Ники гордо дернула плечом.

- А вот захочу и оставлю!

- Пожалей парня-то.

Я удивился и оскорбился – что еще за «пожалей»?

- Может, еще проскочит, – продолжал Валенок серьезнейшим тоном. – Сама же видишь, как паршиво он светится. Из таких, как он, никогда ничего хорошего не выходит. Нам же потом его мочить – если сам не погаснет...

- Что ты сказал? – опешил я.

А Ники сразу как-то сникла.

- Ладно, – неохотно сказала она. – Пока, Леша. Может, увидимся.

- Даже не рассчитывай, – добавил Валенок.

- Повтори, что ты сказал про свет!

Мой крик повис в воздухе. Валенок неожиданно подхватил Ники под локоть и шагнул на проезжую часть. Взвизгнули тормоза, меня окатило снежной кашей, а через секунду, когда машина проехала, странной парочки поблизости уже не было.

Когда я преодолевал последний лестничный пролет, нашаривая в кармане ключи, дверь соседней квартиры распахнулась, и в проеме возникла – руки в боки – соседская бабка. Я, стараясь не поворачиваться к ней левой стороной лица, невнятно пожелал ей доброго вечера и принялся ковыряться в замке. Бабка ничего не ответила. Только засопела, принюхиваясь, и уставилась на меня таким тяжелым взглядом, будто я пытался вломиться не к себе домой, а к ней.

Отчасти – к моему большому сожалению – так оно и было. Бабка была владелицей снимаемой мной квартиры. И по совместительству маминой дальней родственницей. Как ее звали, я забыл, да меня это и не интересовало. Снимать квартиру у родни, с одной стороны, удобно – всегда можно решить спорные вопросы миром или немного опоздать с квартплатой. Но с другой стороны, помимо квартиры я получил довесок в виде личного шпиона. Который регулярно

выкладывал моим родителям, во сколько, с кем и в каком виде я возвращаюсь домой и какие безобразия при этом совершаю. Вдобавок она красила свои чахлые старческие кудряшки в ярко-рыжий цвет, вызывая у меня ассоциации с очень потрепанным клоуном и нестерпимое желание ее подкалывать, как только видел. Но я терпел как мог. Альтернатив с жильем все равно не было и не предвиделось.

- Что у тебя с мордой? - осведомилась бабка. - Опять подрался спьяну?

Я хотел привычно ответить «упал лицом в куст!», но внезапно передумал и решил надавить на бабкино сострадание.

- Вот вам смешно, - шмыгнул я носом. - А меня гопники побили.

- Да ты что?

- Угу, - продолжал я тоном маленького, несправедливо обиженного мальчика. - Шел с работы через дворы. Темно, страшно, дождь... Подходят двое. Один такой здоровый, а второй маленький, но наглый. «Эй, ты, говорят, иди сюда! А ну покажи, что у тебя в карманах! А ну иди отсюда!» Отобрали все, нажитое непосильным трудом: триста рублей и проездной! Вот как я теперь до зарплаты дотяну?

- А ты еще позднее ходи, и не то сделают, - посулила бабка (особого сострадания в ее голосе я не заметил). - Такая позднота - половина одиннадцатого! В это время все добрые люди уже спят. Эк тебе морду-то разворотило... Ну что теперь делать будем? Врача вызывать и милицию?

- Их-то зачем? - неподдельно испугался я. - Не надо никакой милиции!

Ментов бабка нежно любила и вызывала их по любому поводу. Например, если я шумел - то есть громко топал, хлопал дверью или включал музыку.

- Как зачем? А протокол составить? О телесных повреждениях?

Я пожалел, что отказался от традиционного варианта с «падением в куст».

– Это же пустяки! Я сейчас зеленкой смажу, и все пройдет.

– Смотри... пустяки. Мне тут неприятностей не надо! Живо выселю к папе с мамой!

Я клятвенно заверил бабу, что неприятностей не будет, а я с завтрашнего дня становлюсь тихим ангелом, и скрылся у себя, прикрыв дверь так трепетно, словно она была стеклянной.

Весь остаток вечера я зализывал раны и думал. Вот так попил пивка, ё-мое! Чувствовал я себя, будто по мне промчался табун лошадей. Да и выглядел так же. Мокрый, грязный, одежда изодрана; левая половина лица опухла, будто ее искусал рой ос. Левый глаз заплыл, вокруг него наливался сочный фиолетовый синяк. Все лицо в мелких порезах и царапинах от щепок. На голове – здоровенная шишка, к которой не прикоснуться из-за острой боли. Остальное туловище вроде бы не пострадало, но у меня уже был опыт подобных драк, и я с содроганием представлял, как оно будет болеть завтра. Костяшки пальцев оказались сбиты до крови – а это-то когда я успел?

Правда, был и положительный момент – я не заплатил за пиво, и теперь было на что прожить до получки.

Ну и вечер! Ну и люди! Валенок – это же просто терминатор какой-то! Да и Ники, если вдуматься... Любая нормальная девушка на ее месте испугалась бы до смерти, когда началась драка. А она – нет, она не испугалась! Она – вот это слово – развеселилась! А ведь Валенок меня едва не пришиб!

Ники не боялась ни его, ни ментов... Вообще ничего!

Что еще более странно – она даже не удивилась. Словно мы вели себя самым естественным образом, разгромив пивняк.

«Но Валенок! – думал я с невольным восторгом. – Вот ведь чудовище! Кажется, в какой-то момент он в самом деле мог меня убить. В тот момент, когда он поднял меня в воздух, и Ники закричала какую-то чепуху про гвозди...»

И тут я вспомнил.

Его глаза! И глаза Ники!

Я вскочил с дивана и в волнении забегал по комнате, забыв о боли. Теперь я понял, что с глазами Ники было не так тогда, на мосту.

Вертикальные зрачки!

Обычно они у нее нормальные – значит, они изменились у нее перед самым прыжком.

Так же, как и у Валенка перед дракой.

Глава 6

Змеиный глаз

– И не води ее к себе! – повторила Ленка. – Узнаю – увидишь, что будет!

Мелкая стояла рядом с ней, одной рукой держась за край пальто. В другой она держала лопатку, черенок которой задумчиво обсасывала. На чумазом лице голубели ясные глазки-пуговицы.

– Ладно, ладно. Васька, ко мне!

Я подхватил дочку на руки и вскинул наверх. Васька охотно издала восторженный визг и вцепилась мне в волосы.

– Что еще за «ко мне» – она тебе собака, что ли?! И хватит звать ее Васькой!

Мы топтались на полупустой парковке перед институтом. Ленка ждала своего буржуина. Васька вертелась у меня на плечах, болтая ногами в крошечных сапогах, и постукивала мне по голове лопаткой.

– А с лицом у тебя что? – Ленка взглянула на мой левый глаз и вздрогнула. – Ой! Господи!

– Что «господи»? – проворчал я.

Ленкин показной шок меня раздражал. Можно подумать, она человека с фингалом никогда не видела.

– Где тебя так угораздило?

Я бандитски ухмыльнулся и потер бровь, все еще опухшую. В принципе, «фонарь» уже проходил, но выглядел хуже прежнего, стал из фиолетового желто-зеленым.

– Обычное дело. Шел. Упал. Очнулся – глаза нет.

Ленка посмотрела на меня еще раз с неприкрытым ужасом.

– Ты бы к окулисту ходил, что ли. Это же ненормально.

В ее голосе отчетливо прозвучало беспокойство. Похоже, она не притворялась. Я удивился ее заботливости. На мой взгляд, для лечения фингала врач не требовался. В первый день, когда левый глаз превратился в щелку и ослеп, я и сам немного испугался. Но сегодня утром зрение вернулось – правда, какое-то мутное, – хотя глаз все еще выглядел заплывшим. Впрочем, оно и неудивительно, учитывая, кто меня ударил. Спасибо, что не убил.

«Неужели Ленка в глубине души все еще ко мне равнодушна?» – подумал я с тревогой. Ленка была мне на фиг не нужна. Особенно сейчас, когда я познакомился с Ники...

Чтобы отвлечь ее, я спросил:

– Ну как Васькины успехи? Чего нового говорим? По-прежнему одно слово?

Речевое развитие дочери было для Ленки больной темой, и она немедленно принялась орать:

– Ах, «одно слово»?! Я второй год ночей не сплю, а он – «одно слово»! Ишь, удобно придумал – появляется раз в месяц и претензии предъявляет! Да ты хоть раз памперс ей менял? Хоть раз спать полночи укладывал?! «Одно слово!» Я последние деньги на логопедов трачу, а потом ты приходишь и все портишь!

– Эй, остынь! У других дети до пяти лет молчат...

– Ты же понимаешь, что это ненормально! У других дети уже предложениями в этом возрасте говорят, а она ничего!

– Не ничего, а целое слово, – уточнил я со скромной гордостью. – Пусть всего одно, зато какое!

– «Бах» – это что, по-твоему, – слово?

– Слово, конечно, – сказал я. – Знаешь анекдот? Отец хвастается одаренностью сына: представляете, у меня с рояля ноты упали, а сын говорит: «Бах!» Я смотрю – точно, Бах!

– Бах! – тут же повторила Васька, вызвав новый прилив раздражения Ленки.

– Дурак. Другой бы, нормальный отец ее какому-нибудь настоящему слову научил. Да хоть бы «мама». На худой конец «дай».

– А Киря рассказывал, что у него племяш молчал-молчал, а потом произнес сразу целое предложение.

– Какое? – сразу насторожилась Ленка.

– «Дядя, гони мобилу!»

Васька услышала, что я хохочу, и тоже зашлась от смеха.

Ленка поджала губы.

– Да ты сам как ребенок. А зачем ты научил ее садиться на кубик? Это что, полезный навык? Какой в нем развивающий смысл?

– Ну так ведь не на пирамидку же!

Мы бы препирались и дальше, но на стоянку въехал синий «крайслер» с тонированными стеклами. Несмотря на свои внушительные размеры, он был явно подержанный. Видно, Ленкин «хищник» еще не достиг вершины своей пищевой цепочки. Машина остановилась метрах в трех и посигналила.

– Это за мной, – засуетилась Ленка. – Все, я пошла. В девять у нашего подъезда, и не опаздывайте!

Я покосился на «крайслер», не зная, как себя вести – то ли небрежно поздороваться, то ли сделать вид, что никакой машины не существует. Но Васькин отчим упростил мне задачу: выходить не стал и даже стекло не опустил. Да я и так не очень-то хотел с ним знакомиться.

Ленка помахала нам рукой.

– Пока. Только попробуй научить ее какой-нибудь гадости!

– Еще одно слово! – неожиданно предложил я. – Спорим, что к концу прогулки Васька будет знать новое слово?

– Ничего она не будет. И хватит звать ее Васькой!

Когда машина уехала, я снял дочку с плеч и поцеловал в грязную щечку.

– Ну здравствуй, наследная принцесса!

– Бах! – поздоровалась дочь.

– На фига нам слова, правда, Васька? Мы и так друг друга отлично понимаем. Но мама сказала «надо», значит, надо. Так что пошли. Сейчас мы кое-что выучим...

Через два часа, на той же стоянке, я передал Ваську матери, отошел на безопасное расстояние и гордо сообщил:

– А мы выучили новое слово!

– Ну?

– Васька, давай, – скомандовал я. И похлопал себя обеими руками по голове.

Васька неуклюже повторила мой жест и застенчиво сказала:

– Бух!

Пока Ленка открывала рот для крика, я смылся, хохоча. И очень благодарный бывшей за то, что благодаря ее амбициям мы больше не вместе.

«Как меня угораздило связаться с Ленкой?» – размышлял я по дороге домой. Она мне абсолютно не подходила. Да что там, она вообще была не в моем вкусе! Мне нравились девушки незаурядные, загадочные – в общем, типа Ники. Ленка же была простая как танк. Приземленная, деспотичная и, если смотреть правде в глаза, довольно скучная. Зато у нее был сильный характер. А у меня – наоборот, слишком легкий. И когда Ленка положила на меня глаз и вознамерилась прибрать меня к рукам, я просто не стал сопротивляться и пустил дело на самотек. И вот пожалуйста – результат...

Вообще, с девушками у меня отношения складывались не так, как бы хотелось. Подружек хватало, причем они заводились как-то сами. И сами же скоро исчезали. Или, чаще, оставались – приятельницами. Но сколько-нибудь серьезные отношения сворачивались, так толком ни во что и не развившись.

Может, я просто выбирал себе не тех девчонок. С приветом, типа игровичек, очень скоро начинали раздражать; нормальные быстро надоедали... Нет, увлечений было много, даже влюбляться приходилось... Но в глубине души я чувствовал, что еще никогда и никого не любил по-настоящему. Не встретилось мне еще такой девушки, ради которой я готов был пожертвовать хоть чем-то стоящим: ни временем, ни усилиями, ни своей личной свободой делать то, что

захочу, и жить как хочу. Свободой – особенно.

Наверно, это и была главная причина того, что никакие нежные чувства не могли заставить меня пустить кого-то в свою жизнь. Ленка, кстати, это понимала. И ее это страшно бесило.

– У тебя бзик на свободе, – пилила меня она. – Ты на ней зациклился. Зачем она тебе? Что ты будешь с ней делать?

На что я строгим голосом отвечал:

– Это не обсуждается!

– Да ты просто слишком любишь самого себя, чтобы полюбить кого-то еще. Эгоист ты, вот и все! А все потому, что инфантильный и боишься ответственности!

Я не спорил. Может, Ленка и права была насчет инфантильности – в какой-то мере. Но еще я чувствовал в себе некий скрытый, неостребованный пока резерв.словно заархивированный файл с чем-то очень важным... может, даже самым важным. Который раскроется, если я полюблю кого-нибудь всей душой. И вот тогда, может быть... Да нет, почти наверняка... Эта любовь меня и погубит.

Так что лучше для меня будет, если этот файл так и останется нераскрытым.

Прошло уже три дня после моего приключения. Жизнь вернулась в прежнее русло. Собственно, она из нее и не выходила. Ну познакомился с девчонкой. Подрался в пивняке. Сколько раз это со мной бывало – и не сосчитаешь.

Но в то же время я нутром чувствовал: что-то во мне изменилось после знакомства с Ники. А особенно – после драки с Валенком. Не то чтобы я как-то глобально переродился. Просто что-то сдвинулось с прежнего места. Так маленький камешек катится с горы, увлекая за собой остальные, все крупнее и крупнее...

Или еще точнее: что-то такое, что раньше спало, – проснулось. Но что именно – я и понятия не имел.

Может быть, Ники могла бы мне объяснить? Я непрерывно думал о ней. Но она больше не появлялась и телефона не оставила. Правда, сказала «увидимся»... Но это же не обещание. То же самое, что «я сама тебе позвоню». То есть – вообще ничего. Собственно говоря, на что я рассчитываю?

– Ну и хорошо! – сказал я вслух. – Зачем мне неприятности? Взрослый человек, а все о чудесах мечтает, ха-ха-ха! Как подросток! Хотя сейчас и подростков таких не осталось: все только о карьере и думают.

«Ты, Алешка, как не от мира сего», – говаривала мать, обязательно при этом вздыхая. Смысл фразы с годами менялся от «особенный» до «малахольный»...

В неплохом настроении я вернулся домой, поставил чайник, привычным жестом включил комп, рухнул в кресло, вошел в Интернет... И застыл, забыв даже проверить почту. Чувствовал я себя странно. Знакомое ощущение: будто чего-то не доделал, и надо срочно бежать и делать, не то будет поздно.

Я вздохнул, вылезая из-за стола. У меня и раньше такое иногда бывало: на фоне привычной апатии – беспричинные вспышки активности. Вот что значит – с дочкой погулял на свежем воздухе. Не иначе кислородное отравление. Ну и куда мне девать энергию?

Я вышел в прихожую, повисел на турнике, пару раз подтянулся (больше не смог). Посмотрел на велик, покрытый двухлетним слоем пыли.

«Погонять, что ли?»

Не то, все не то!

Хорошее настроение незаметно испарилось. Левый глаз тупо ныл. Голова была тяжелая. Внутри бурлило что-то дикое, требовало выхода.

«Вот бы с Валенком подраться!» – подумал я кровожадно. И понял – вот оно.

Да! Подражаться! С Валенком... С районными ментами – лучше всего со всеми сразу. Неважно с кем, неважно почему. До крови, до потери сознания...

«Что это со мной? – подумал я озадаченно. – Что же это меня так колбасит? Ну-ка уймись, командос ты наш! Этак опять полночи не уснешь...»

То, что позавчера я не смог заснуть после драки, – этому я не удивился. То, что потом просидел полдня в прострации, в общем, тоже было нормально. Но то, что вчерашнюю ночь я провел стоя у окна и всматриваясь единственным зрячим глазом в темноту, сам не зная зачем, уже никуда не годилось. Эту ночь, похоже, мне предстояло провести так же увлекательно.

Несколько мгновений я рассматривал кривую пирамиду компакт-дисков, загромоздившую полстола, а потом одним движением скинул ее. Пирамида рухнула на пол с оглушительным треском, подняв над собой облако пыли. На душе сразу полегчало. Я встал, ногой раскидал диски по полу, выбрал оттуда один на память, а остальные сложил в мешок и вынес на лестницу – вдруг кому-то пригодится.

– Заодно и прибрался, – похвалил я себя и вставил диск в дисковод. Это была «Nirvana», альбом «Smells like teen spirit» – тот, самый знаменитый, где на обложке младенец плывет за насаженной на рыболовный крючок купюрой. От «Нирваны» я страшно фанател в подростковом возрасте. Пусть говорят, что музыка «Нирваны» пустая, бессмысленно-яростная, что это протест, ведущий в никуда. Пусть себе говорят, ничего они не понимают! Я выбрал мою любимую песню – коматозно-заторможенную «Something in the way». Такую же отвлекающе-медлительную, как походочка Валенка, но со сжатой пружиной внутри, с подавленной энергией, каким я был сам, когда нес всякую чушь, а сам готовился ему врезать.

Что-то в пути, о-о-о...

Что-то в пути, ммм...

Да, эта песня лучше всего отражала мое настроение и состояние. Нечто в пути. Только что это? Или... кто?

Я рассеянно поднял взгляд – и все мысли вылетели у меня из головы. На меня кто-то смотрел сквозь стекло. Темный, человекоподобный силуэт пялился на меня светящимся звериным желтым глазом.

Я вскочил как ужаленный и кинулся к окну. Выглянул на улицу, никого там не увидел. И неудивительно. Пятый этаж как-никак.

Почудилось? За стеклом колыхались голые ветки тополя, внизу проезжали машины и горели фонари. Конечно, никого там не было, но меня почему-то затрясло.

Вспомнилось, как недавно во время прогулки меня напугала Васька. Уставилась в пространство, показывает пальцем и радостно говорит:

– Ав!

А там нет никакой ни «ав», ни «мяу», а просто пустое место.

Но Васька определенно что-то такое видела. Надо сказать, «ав» у нее не только собака, а вообще любое мохнатое животное с большими зубами. Другой бы родитель вообще внимания не обратил. А у меня по спине поползли мурашки непонятно с чего. В точности как сейчас.

«К черту, – подумал я, устало отворачиваясь от окна. – И глюки, и все остальное. Пойду-ка я в самом деле спать».

В ванную я зашел, не ожидая подвоха. Включил воду, поплескал в лицо, выдавил пасту на щетку, взглянул в зеркало – проверить, как поживает фингал...

Зубная щетка выпала из рук и шмякнулась на пол.

Нет, вовсе не фингал так напугал Ленку!

С бледного перекошенного лица на меня смотрели два глаза: один привычный – мой, серый, а другой – чужой. Ярко-желтый. С вертикальным зрачком.

Я пулей вылетел из ванной. По спине стекал пот, ноги подгибались.

Посидел несколько минут на кухне, успокаивая дыхание.

Может, показалось?

Когда руки перестали дрожать, бегом вернулся в ванную и снова принялся рассматривать глаз.

Нет, не показалось.

Зрелище было жуткое. Чем дольше я смотрел на глаз, тем отвратнее он мне казался.

Глаз был чисто змеиный. Глазное яблоко – налитое кровью, покрытое красной сеткой мелких сосудов. Золотисто-зеленая радужка – ядовитого, абсолютно шизового оттенка. И черный узкий зрачок – словно глаз треснул пополам.

Для проверки выключил свет – так и есть. Глаз тут же засветился ярко-желтым светом. Так вот кто смотрел на меня из-за окна...

«А что? – мужественно сказал я себе, пытаюсь не поддаваться панике. – Даже по-своему прикольно! Ни у кого нет такого глаза, а у меня есть! Буду теток в отделе пугать!»

Но радости почему-то не испытал.

Нет, на своем месте – на морде какой-нибудь ящерицы – глаз, может, смотрелся бы и неплохо. Но не на человеческом же лице!

Откуда он взялся? Почему? За что мне это?

Что мне с ним делать?

Как с этим жить?!

Я вышел из ванной, вернулся в кухню, подошел к окну и зажмурился крепко, до слез.

Чувствовал я себя как в анекдоте про заблудившегося туриста, который разбудил от спячки медведя.

«- Зачем орал?

- Да хотел, чтобы меня кто-нибудь услышал!

- Ну, я услышал. Легче тебе стало?»

Сердце колотилось так, что стук отдавался в ушах. Я прижался лбом к холодному стеклу северного окна и уставился туда, где сейчас раскинулись сияющие новостройки, а раньше была только бездонная темнота.

Глава 7

Попытка разобраться

На следующий день, едва проснувшись, я первым делом кинулся к зеркалу – посмотреть, не прошло ли само.

Ничего подобного. Стало хуже. Гораздо хуже.

Глаз был на месте – все такой же злобный, змеиный, ядовито-желтый. Красных прожилок стало поменьше. Зато кожа вокруг глаза стала твердой и шершавой, как панцирь краба, – трогаешь пальцем, и чувствуется покалывание. Внешне было не очень заметно. Пока. Я уже чувствовал, что процесс пошел, и добром он не кончится.

Вчерашний панический ужас остался в прошлом, сменившись полнейшей растерянностью. Что с этим делать? Пока все не зашло слишком далеко, надо срочно что-то предпринять... но что? Сам я эту проблему определенно решить не могу, тут нужен специалист...

«Сходить к врачу?» – подумал я и горько усмехнулся. К какому еще врачу? К окулисту?

Да любой окулист только разведет руками – в лучшем случае...

Может, сразу предложить себя в Кунсткамеру в качестве экспоната? А лучше продать. Заодно и денег подзаработаю...

И тут я кое-что вспомнил. Кирилл! У меня же есть старый друг – без пяти минут врач. Он уже выучился и сейчас проходил практику в больнице, вот только его специализацию я так и не вспомнил. Кажется, терапевт...

Я с энтузиазмом принялся искать его номер в списке контактов. Внутренний голос назойливо зудел, что радоваться пока нечему, и вообще – глядя правде в глаза – скорее всего, ничем мне Киря не поможет. Но я все же дозвонился и договорился о встрече после работы у метро. По крайней мере одна польза от звонка была – полегчало на душе. Я настолько взбодрился, что даже немного поэкспериментировал с желтым глазом. Если врага не победить, то надо его хотя бы изучить – чтобы знать, каких пакостей ждать в дальнейшем.

При дневном свете змеиный глаз вел себя совершенно как обычный. В темноте (эксперимент ставился в ванной) тут же вспыхивал ярко-желтым светом. При этом резко усиливалось ночное зрение. Еще – у нормальных людей ночное зрение черно-белое, а у меня оно стало скорее черно-зеленым. Кроме того, что-то изменилось с фокусировкой. То, что попадало в фокус, было видно очень четко – кажется, даже лучше, чем при свете, – но вся периферия расплывалась, исчезала и наполнялась подвижными тенями. Я скосил глаза, аккуратно сфокусировал взгляд на самой крупной тени и четко увидел существо, сидящее на краю раковины.

Размером оно было примерно с хомяка, только с перепончатыми лапами и хвостом лопаточкой. Больше ничего я увидеть не успел, потому что оно заметило мой взгляд и тут же нырнуло в слив. Я потрясенно выругался, заглянул туда же, но ничего, кроме решетки, там уже не было. Показалось? Тогда я рефлекторно включил свет – и чуть не взвыл от боли, схватившись за глаз. Резкий переход от темноты к электрическому освещению был почти таким же болезненным, как удар Валенка.

«Итак, я – ночное животное», – сделал я утешающий вывод и вышел из ванной. Щурясь, нашел в столе пыльные солнцезащитные очки. В них и отправился в институт.

В темных очках я просидел весь рабочий день, не снимая их даже перед компьютером, так что к вечеру оба глаза были одинаково красного цвета. Так что, сказав коллегам, что у меня конъюнктивит, я не особенно и соврал.

Добрые тетки дружно принялись меня жалеть и закидывать медицинскими советами. А поскольку все они в разной степени увлекались нетрадиционной медициной и оздоровительными методиками из серии «Сам себе доктор» (и патологоанатом), то мне была выдана куча рецептов, чем промывать, прокапывать и окуривать глаз (и утренняя моча была еще не самым страшным вариантом). Я кивал, благодарил и обещал непременно испробовать, а самого меня в это время точила одна мысль. Кажется, первая здравая мысль за весь день.

Надо непременно найти Ники! Найти и потребовать объяснений. Потом отыскать Валенка – и пусть он лечит мне глаз любыми народными методами, какими пожелает. Я был абсолютно уверен, что во всем виноват именно он. А если Валенок не справится – в чем я тоже почти не сомневался (ломать – не строить), – то в запасе остается таинственный всемогущий Грег.

Оставалась сущая ерунда – отыскать всю эту компанию.

«Ты же провел с Ники целый вечер! – корил я себя. – Вместо того чтобы болтать о чувствах, причем чужих, надо было выяснить о ней хоть что-то конкретное!»

А я так и не узнал ничего. Ни где она живет, ни где учится...

Оставался только трамвай, в котором я ее встретил. Номер я запомнил. Надеюсь, Ники ездит на нем регулярно, а не раз в год.

После работы я направился напрямиком на ту остановку, где вскочил в трамвай, убегая от впавшей в анабиоз толпы. Темнота, холод, с неба сыплет снег, я в вязаной шапке, куртке с поднятым воротником – и в темных очках, как рэпер или агент Смит. На столбе рядом с остановкой я приклеил броское объявление. Высоко, чтобы не оборвали, и крупными буквами – чтобы было видно из окна

трамвая. Наверху – «НИКИ» (как будто название фирмы), пониже: «Проблемы с глазами!», и еще пониже: «Срочно!!!» И мой телефон.

Было стыдно. Но ничего умнее я придумать не смог. Не могу бездействовать в острых ситуациях. Ленка в таких случаях говорила, что я бессмысленно мечусь и трепыхаюсь, как карась на сковороде. Но лучше суетиться, чем сидеть неподвижно, чувствуя, что медленно умираешь.

С Кирей мы встретились на выходе из метро «Черная речка». Вид у него был запаренный. Стриженные ежиком волосы торчат в разные стороны, зато тени под глазами придают некую приличную почти-доктору интеллигентность.

– Что это ты в темных очках? – ослабился он, пожимая мне руку. – Конъюнктивит?

– А нормальный человек сказал бы «ну ты вылитый рэпер!». Ладно, куда пойдём?

– Да все равно, только поближе и побыстрее. С утра ничего толком не ел, в больнице сегодня бардак, весь день на бегу...

«Поближе и побыстрее» находилось дешевое подвальное кафе, вполне подходящее для студентов и небогатых клерков. Раньше я тут иногда питался без малейших сомнений. Но, войдя, вдруг испытал приступ отвращения. Под потолком плавали сизые клубы дыма, дышать было абсолютно нечем. Я почувствовал, что задыхаюсь; захотелось выйти на улицу, глотнуть нормального сырого воздуха.

– Ты чего? Тоже не обедал? – спросил Кирилл. – Аж побелел весь.

– Наверно, что-то с вентиляцией, – хрипло ответил я. – Ничего, уже отпустило.

Мы нашли столик в углу. Я вытащил сигареты и закурил, чувствуя, как восстанавливается баланс между задымленностью снаружи и внутри организма.

Подошла официантка – пигалица исключительно пэтэушного вида в неопрятном переднике. Кирилл заказал жареную картошку с котлетой неопределенного

происхождения. Я от волнения не хотел ни есть, ни пить. Но все-таки взял какого-то местного пива – явно не «Гиннесса».

Киря накинулся на еду, как плодотворно поработавший человек с чистой совестью, которого ничто не гнетет. Я смотрел на него не без зависти. Вот у кого не было никаких сомнений с выбором призвания. Хорошо людям, которым не надо блуждать и что-то искать в потемках. Их жизненный путь сразу ясен и прям – только иди, не сворачивая, и не останавливаясь.

Котлета не внушала ни малейшего доверия. Жирный жареный фарш, из которого она была слеплена, вдруг показался мне очень странной и нелепой штукой. Я подавил рвотный позыв и с жалостью посмотрел на то, во что превратилось нормальное мясо после тепловой обработки. «Странные люди, – подумалось мне. – Испортили зачем-то хороший продукт. Словно убили его еще раз...»

А картошка? Ну какая же это еда! Это же растение!

Взгляд переместился выше – на вилку, которой Киря ломал котлету, и на собственно Кирину руку с длинными худыми пальцами. Рука почему-то представилась в разрезе: белые кости, сочное красное мясо, соленая кровь... Все не просто свежее, а живое, естественно горячее, а не подогретое... Совсем другое дело! Рот неожиданно наполнился слюной.

– Чего? – спросил Кирилл, подняв глаза.

Я сглотнул и ответил с усмешкой:

– Так, задумался.

Рассказать Кире? «О чем думаешь? Да вот прикидываю, как бы сожрать тебя...»

Расплывался сизый дым, в соседнем зале надрывалось «Радио-шансон», со всех сторон доносился гул голосов и звяканье посуды... Киря замаривал червячка, я цедил водянистое пиво. Разговор шел самый незначительный. Я мыслями был далеко. Что, и главное, как рассказать другу? И вообще, меня вдруг обуяли сомнения – имеет ли смысл что-то рассказывать?

Одна из главных проблем в общении с людьми для меня – их предсказуемость. А когда человек становится предсказуемым, когда я заранее знаю, что он мне ответит, – он мне становится неинтересен. Я когда-то даже этаким рейтинг составлял... этот человек на неделю интереса... этот и вовсе на один разговор...

Но наша дружба с Кирей – дело особое. Даже если он превратится в ужаснейшего зануду (а он уверенным шагом к этому движется), мы все равно останемся друзьями. Между прочим, мы с ним не только друзья, но и побратимы. Класе во втором, начитавшись чего-то героического, мы расцарапали себе пальцы и смешали кровь. Конечно, сейчас смешно вспоминать, как я, высунув язык, старательно пилил палец кухонным ножом... А тем временем Киря, которому при виде ножа стало дурно, проковыривал кожу булавкой... Потом он эту булавку выронил и нечаянно на нее сел, и из глаз у него текли слезы, но он мужественно рассуждал, что кровь из ягодицы не подходит для такого серьезного обряда... И все же – для меня это было серьезно. Для него, уверен, тоже. Настоящая дружба – это не вопрос интересного общения, это уровень доверия. Иногда мы не пересекались месяцами, а потом встречались так, словно вчера расстались. Главное, мы знали, что можем полагаться друг на друга.

Но между мной и Кирей есть одно принципиальное различие. Он человек абсолютно рациональный. Если я с детства питаю слабость ко всякой мистике, отношусь к глюкам совершенно серьезно, они для меня так же реальны, как сама реальность (ну, по крайней мере, так же значимы), то для него глюки – однозначно диагноз. А поскольку все случившееся со мной в последнее время было в высшей степени иррационально, я решил рассказать Кириллу только самое очевидное. То есть – про драку с Валенком.

– Теперь понятно, почему ты в темных очках, – хмыкнул Киря. – Неужели все так мрачно?

– Хуже, чем ты думаешь.

– У врача был?

– Нет еще.

Киря посмотрел на меня с сожалением.

- Ну вот зачем ты нарываешься?

- А почему бы нет?

- Да потому что тебе постоянно прилетает.

- Ну, иногда случается и наоборот, - жизнерадостно ответил я.

- Редко. Как ни встретимся, опять ты куда-то влип.

Кирия дожевывал ужасную котлету и закончил свою мысль, помахивая вилкой:

- Я знаю, в чем дело. Ты не можешь спокойно пройти мимо несправедливости. Я, в принципе, одобряю. Но ты себя переоцениваешь. Надо же адекватно оценивать свои возможности...

Я только плечами пожал. Тяга к справедливости была сильнее и важнее любого расчета. Я считал, это правильно, и спорить на эту тему не собирался.

- Давай не будем рассуждать о справедливости. Я хочу, чтобы ты посмотрел мой глаз и высказал свое врачебное мнение.

- Да уж я понял.

Кирилл вытер руки салфеткой и сделал мне знак повернуться к свету.

- Только не пугайся и... поспокойнее. Я предупреждаю - там ты увидишь что-то очень странное.

- Ну показывай, не томи.

Я огляделся, убедился, что в нашу сторону никто не смотрит, и снял очки.

Несколько мгновений Кирилл сосредоточенно всматривался в мое лицо.

- И что? - спросил он, возвращаясь к тарелке.

Я ждал любой реакции. Только не такой.

Никакой.

– Как «что»?!

– Ну, фингал... Самый обычный фингал.

– А цвет глаза тебя не смущает? А зрачок?!

Кирилл еще раз бросил на меня взгляд.

– Да нет... Нормальный зрачок.

Я разозлился. Издевается он надо мной, что ли?

– Что, вертикальный зрачок – это теперь нормально?!

Киря нахмурился. Снова развернул меня к свету, заглянул в глаз.

– С чего ты взял, что он вертикальный? – спросил он, глядя на меня как-то подозрительно. – У тебя после удара... э-э-э... с головой проблем не было? Сознание не терял?

– Да потому что...

Я оборвал себя на полуслове. Потому что, наконец, понял.

Киря просто не видел мой змеиный глаз!

Казалось бы, мне должно было полегчать. Но мне стало так жутко, что руки задрожали, и я спрятал их под стол.

Значит, не к окулисту мне надо идти, – а к психиатру.

Кирилл смотрел на меня хмурясь. Видно, выражение моего лица ему не нравилось.

– Внешне ничего особенного, – заговорил он. – Ну, кровоподтек, гематома... опухоль почти спала. Но если у тебя мутится зрение или двоится в глазах, тебе надо к специалисту, и, чем быстрее, тем лучше. Отслоение сетчатки, а при ударе такое бывает – это очень серьезно... И неплохо бы сделать рентген костей черепа... И доплерографию... Ты меня слушаешь вообще?

Я глядел в сторону, ссутулившись.

Значит, зря я сегодня весь день, как идиот, просидел в темных очках, выслушивая дурацкие советы теток. Можно было и не маскироваться.

Не было никакого превращения. Только сдвиг в башке.

Видимо, от удара Валенка там что-то и сдвинулось. А именно – стекла крыша.

Мне стало безгранично тоскливо. Внезапно я почувствовал себя очень одиноким.

Меня и раньше смутно посещало это чувство, несмотря на насыщенную жизнь и множество приятелей. Но тут вдруг словно поставили перед фактом, точнее, перед зеркалом – и там отразился я один, а вокруг пустота.

Несколько минут я с трудом поддерживал разговор, едва слушая, что мне втолковывает Кирилл. А он явно переживал за меня. Даже написал мне на каком-то клочке, что купить из лекарств и какие обследования пройти. Я сунул клочок в карман, не глядя, тут же забыл о нем и при первой же возможности начал прощаться.

Все было очень плохо.

Глава 8

Иногда лучше не оглядываться

На улице уже давно стемнело и сильно подморозило. С неба сыпал легкий сухой снежок. В общем, зима вернулась. Я был одет совершенно не по сезону. Но мне было все равно. Я злобно выкинул в урну темные очки и пошел дворами в сторону дома, предаваясь мрачности и всерьез раздумывая насчет визита в дурдом.

Или все-таки ничего страшного? Ведь пока, кроме трансформации глаза, ничего плохого со мной не случилось. Причем – как удачно! – трансформация видна только мне самому. Ну вижу я свой глаз не так, как другие. Какая разница? Кто об этом узнает? Если в остальном я нормален, так и черт с ним. Да как бы я себя ни воспринимал – хоть в виде крокодила, – если остальные видят меня человеком, значит, проблема не так уж велика.

Словом, минут через двадцать, пройдя почти полпути до дома, я уже почти успокоился и убедил себя, что ничего и не изменилось. И даже по-своему прикольно.

Разговаривая с внутренним голосом и всячески себя подбадривая, я пересек пустой темный сквер у кинотеатра и свернул с освещенной улицы во дворы.

И тут началось.

Сперва я даже не понял, что происходит. Понемногу начало светлеть – хотя должно было быть все наоборот. Но, чем слабее светили редкие фонари, тем ярче разгоралось небо. Я поднял взгляд, высматривая луну, но увидел все те же снеговые тучи.

И звезды – россыпью – в разрывах облаков. Как бисер, рассыпанный среди косматой, небрежно растерзанной во все небо бледно-зеленой пакли.

Небо было так красиво, что я остановился и несколько минут просто стоял и любовался. Какое сегодня странное свечение города! Не грязное красноватое, как обычно, а туманно-травянистое. И такой чистый оттенок...

Я опустил взгляд. Дома, деревья, блестящий под ногами лед – на них падал тот же зеленый отсвет. Воздух едва заметно дрожал. При попытке сосредоточить

взгляд стены хрущевки начинали медленно куда-то плыть, пока совсем не растворились в тумане. «Как под водой», – отметил я, озираясь с любопытством.

Это было тоже красиво и прикольно.

Я стоял долго, не замечая холода. Смотрел по очереди на разные вещи, и они таяли. В один прекрасный момент растаяло все. Теперь я находился в сплошном тумане.

И тут мне наконец стало не по себе.

Меня окружал подвижный сумрак, нереальный, как компьютерная 3D-модель. Мозг категорически отказывался воспринимать увиденное и схватывал только какие-то отдельные образы, явно не справляясь с их опознанием.

Я сделал над собой усилие и шагнул. Чтобы это сделать, пришлось вспомнить, где у меня нога. И послать туда приказ. Вокруг ничего не изменилось. Шагал не шагал – без разницы. Все равно что я лежал бы в кровати и представлял, что иду. Я бросил бесполезное занятие и решил осмотреться.

И обнаружил, что я тут не один.

Вокруг витали тени. Я явственно ощущал их внимание. Осторожное, даже трусливое – словно какие-то мелкие зверьки следили за мной, в любой момент готовые удрать и спрятаться. Я попытался рассмотреть их, но они мгновенно расплывались во все стороны, как мальки на мелководье.

Потом за мной увязался кто-то покрупнее. Но когда я повернулся и попытался разглядеть его, он подло растворился в воздухе.

– Не хочешь, как хочешь, – буркнул я, демонстративно отвернулся и встретился взглядом с призраком – высокомерного вида старухой, похожей на завуча на пенсии. Смотрела она на меня крайне неодобрительно. Кривя губы, старуха пробормотала нечто вроде «чтоб ты сдох» (ее голос показался мне знакомым), после чего сразу исчезла.

Вместе с ней исчезли и «мальки». Несколько секунд в зеленом тумане было безгранично тихо. Вдруг по земле пробежала легкая дрожь, неприятно отозвалась в костях. За спиной послышалось странное скрипучее шелестение. Потом сквозь меня прокатилась словно волна холода, и я ощутил на себе тяжелый, недобрый взгляд.

Мне невероятно захотелось спрятаться, как тем малькам. И я рефлекторно поступил как в детстве – зажал ладонью змеиный глаз. Да еще и зажмурил его.

И в тот же миг словно вынырнул из мутного моря на поверхность.

Я вздохнул так жадно, будто в самом деле тонул. Оказалось – я зачем-то свернул из проходного двора в один из безлюдных боковых тупиков и стоял, опираясь о бетонный забор и качаясь, словно пьяница. Ноги и руки онемели, кончики ушей горели от холода.

«Вроде почти не пил, – подивился я своему состоянию. – Может, отравился в той тошниловке? А что, вполне возможно! Только бы до дому доползти! Не хватало еще потерять тут сознание и замерзнуть насмерть... почти в апреле!»

Я оттолкнулся от забора и пошел, ступая по тротуару осторожно, как по болоту. Меня шатало; я то и дело опирался о забор и с ужасом думал, как пойду дальше, когда он кончится. Змеиный глаз я так и зажимал ладонью. Но он жил своей жизнью и пытался видеть то, что мне, человеку, явно не предназначалось. Вторым, нормальным глазом я наблюдал пустые проходные дворы, горящие окна домов, кусты, заснеженные автомобили... Но стоило на миг ослабить контроль, как я снова нырял в мутное море враждебных теней.

А тот, с тяжелым взглядом, все не отставал. То крался сзади, как тигр в камышах... То медленно проплывал снизу, как акула под надувной лодкой... То тяжело пролетал надо мной, словно вражеский цеппелин.

В конце концов я понял, что больше не могу, и остановился, опираясь плечом на фонарный столб. Закрыв ладонью левый глаз, подождал, пока пройдет тошнота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gradov_aleks/chernyy-klan

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)